

Сергій Булгаковъ

НА ПИРУ БОГОВЪ

PRO и CONTRA

СОВРЕМЕННЫЕ ДІАЛОГИ

№6

Булгаковъ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КН-ВО

1921

26.706

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1921

291.1

082

Сергій Булгаковъ

Сочиненіе

№ 109

Списокъ по нормамъ, тарифу

При изданіи

НА ПИРУ БОГОВЪ

PRO и CONTRA

СОВРЕМЕННЫЕ ДІАЛОГИ.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ

БРК 12

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1920

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

Тютчевъ.

УЧАСТВУЮЩІЕ.

Общественный дѣятель.

Боевой генералъ.

Дипломатъ.

Извѣстный писатель.

Свѣтскій богословъ.

Бѣженецъ.

Диалогъ первый.

О, Русь, забудь былую славу,
Орель двуглавый побѣжденъ.

Вл. Соловьевъ.

Исчезни въ пространство,
исчезни,
Россія, Россія моя!

Андрей Бѣлый.

Дипломатъ. Мнѣ часто вспоминаются теперь двѣ наши встрѣчи. Одна—во Львовѣ, въ разгарѣ нашего галиційскаго наступленія. Вы горячо тогда говорили о статуѣ Ники Самофракской, о вихрѣ радости, о бурѣ побѣды...

Общественный дѣятель. Помню хорошо, но теперь хотѣлъ-бы выжечь изъ своего мозга это воспоминаніе.

Дипломатъ. А другая встрѣча въ самомъ началѣ революціи здѣсь, въ Москвѣ. Вы говорили уже о благостномъ Діонисѣ, шествующемъ по русской равнинѣ, о безкровной революціи, о новой эрѣ, о славянскомъ ренессансѣ.

Общественный дѣятель. Погибло, все погибло! Умерло все, и мы умерли, бродимъ, какъ живые тру-

пы и мертвыя души. До сихъ поръ ничего я не понимаю, мой умъ отказывается вмѣстить. Была могучая держава, нужная друзьямъ, страшная недругамъ, а теперь—это гніющая падалъ, отъ которой отваливается кусокъ за кускомъ на радость всему слетѣвшемуся воронью. На мѣстѣ шестой части свѣта оказалась зловонная, зіяющая дыра. Гдѣ же онъ, великодушный и свѣтлый народъ, который влекъ къ себѣ сердца добротою и дѣтской вѣрой, чистотой и незлобивою, даровитостію и смиреніемъ? Теперь—это разбойничья орда убійць, предателей, грабителей сверху донизу въ крови и грязи, во всякомъ хамствѣ и скотствѣ. Совершилось какое-то черное преображеніе, народъ Божій сталъ стадомъ гадаринскихъ свиней.

Дипломатъ. Но совершенно съ такимъ-же жаромъ говорили вы и о Никѣ, и о Діонисѣ. Теперь, очевидно, явилась Цирцея, превратившая въ свиней діонисійствующихъ гражданъ.

Общественный дѣятель. Я не въ силахъ съ этимъ справиться. Боюсь сойти съ ума. А впрочемъ, я ужъ ничего не боюсь...

Дипломатъ. Будто бы!

Общественный дѣятель. Жизнь потеряла свой вкусъ: не свѣтитъ солнце, не поютъ птицы. Все застлано кроваво-грязнымъ туманомъ отъ ядовитыхъ испареній. Ночью забудешься—и все забудешь. Зато проснешься, вспомнишь, и такая чер-

ная тоска найдетъ, что хочется только одного—
совсѣмъ уйти изъ этого наилучшаго изъ міровъ,
не видѣть, не знать, не чувствовать... Я помню,
послѣ тяжелой утраты, какъ мнѣ страшно было про-
сыпаться поутру, снова переживать невозвратимую
потерю. Но тогда мнѣ свѣтила нездѣшная радость
изъ другого міра, у души вырастали крылья. А
теперь—ничего, ничего не утѣшаетъ. Душа уми-
раетъ, это—поистиннѣ смерть безъ воскресенія, ея
червь неусыпающій. Какъ устоять? Какъ постигнуть?
Зачѣмъ мнѣ суждено было пережить Россію? За-
чѣмъ мнѣ не дано закрыть глаза, пока еще была
Россія, какъ Богомъ взысканные друзья мои? Те-
перь у меня лишь одна мелодія звучить въ душѣ:

О, въ этотъ вѣкъ преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать — удѣлъ завидный.
Отрадно спать, отраднѣй камнемъ быть.

Дипломатъ. Русская истерика! Неужели нельзя
страдать, стиснувъ зубы, безъ стоновъ и воплей, не
плача ни въ чей жилетъ, а ужъ если дѣйствительно
невтерпежъ, плюнуть этому міру въ лицо, гордо и
спокойно павши на свой мечъ, какъ послѣдній рим-
лянинъ. Но я мало вѣрю этой восторженности горя,
а еще меньше завѣреніямъ объ утраченномъ вкусъ
къ жизни. Такъ и сквозить черезъ нихъ „жаж-
да жизни неприличнѣйшая“, „сила низости карама-
зовской“. Да иначе вѣдь и нельзя любить жизнь,
какъ слѣпо и неосмысленно, безъ всякихъ тамъ оп-
равданій. И теперь, при большевикахъ и уже безъ

Россіи, жизнь намъ попрежнему остается дорога, и стараемся мы ее спасти четверками мякинного хлѣба. Безъ Россіи благополучно обходимся, а вотъ безъ хлѣба да безъ сахара, дѣйствительно, трудно-вато. Молодцы марксисты, — они не боятся смотрѣть въ лицо правдѣ. А насъ заѣдаетъ фраза; кажется, на смертномъ одрѣ не умѣемъ безъ нея обойтись.

Писатель. Простите, но я совершенно не могу мириться съ вашимъ идейнымъ большевизмомъ: это и не великодушно и даже не культурно. Да и горе у всѣхъ одинаковое. Всѣ мы ошеломлены новымъ погруженіемъ Атлантиды въ хаосъ, катастрофической гибелью нашего материка, вдругъ исчезнувшего съ исторической карты. Вотъ еще недавно для насъ такъ дико звучалъ этотъ поэтический вопль:

Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

А она на самомъ дѣлѣ взяла да исчезла, и закопошились на ея мѣстѣ предательскія „самостійности“, нетопыри разные. Вѣдь при похоронахъ Россіи присутствуемъ!

Дипломатъ. Я не люблю и не умѣю говорить жалкія слова. Если хотите знать, для этого мнѣ слишкомъ больно. А если бы я и умѣлъ плакать, то ужъ давно выплакалъ бы всѣ свои слезы года четыре назадъ, когда только загорался міровой по-

жарь. Еще тогда мнѣ стало ясно, чего будетъ стоить эта война и Россіи, и тому, что мнѣ дороже Россіи — я не скрываюсь, но горжусь это признать — Европейскому міру. Что же до Россіи, то ея военная неудача не представляла для меня и сомнѣнія. Не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы полуварварскій, дурно управляемый, экономически отсталый народъ могъ выдержать съ честью испытаніе при столкновеніи съ наиболѣе мощнымъ изъ культурныхъ народовъ. Если еще оставалось на что надѣяться, то развѣ только на помощь нашихъ болѣе культурныхъ союзниковъ, но и на это я пересталъ рассчитывать уже съ 1915 года, когда обнаружилось, что они обречены запаздывать всегда и всюду, будучи поражены какимъ-то *демократическимъ гамлетизмомъ*. Но вотъ васъ-то мнѣ давно уже хотѣлось спросить: куда дѣвались совѣсть и разумъ тѣхъ, кто, позабывъ нашу дѣйствительность, вдругъ, словно объѣвшись белены, начали словоизверженія объ освободительной миссіи Россіи, о Царьградѣ, о крестѣ на Айа-Софіи, вынули изъ нафталина все это славянофильское старье? Гдѣ были ваши глаза? Теперь всѣ клянуть и стенаютъ, что не сбылись эти дѣтскія грезы, но вѣдь судъ исторіи безпристрастенъ, это вы должны признать. И пока что, исторія оправдываетъ скорѣе германство, даже большевизмъ, только не маниловщину эту или тетениковщину какую-то. Простите за рѣзкость, но вѣдь намъ всѣмъ теперь не до вѣжливостей.

Общественный дѣятель. Признаюсь, что теперь и самъ удивляюсь настроенію 1914 года, прямо какой-то психозъ овладѣлъ, не выдержали перемѣны политической погоды. Я объ этомъ иногда вспоминаю теперь, наблюдая, какъ другіе художники и поэты не выдерживаютъ напора большевизма и оказываются его какъ бы плѣнниками, не видящими всей двусмысленности своего положенія. Впрочемъ, тогда и весь міръ былъ обуянъ этимъ мессіанизмомъ, гдѣ же было нашей „женственности“ противъ него устоять?

Писатель. Ни въ какомъ смыслѣ несогласенъ я съ этимъ самошельмованіемъ. Я отлично отдаю себѣ отчетъ и теперь во всемъ, что я думалъ, писалъ и говорилъ тогда. И представьте себѣ, совершенно подписываюсь подъ всѣмъ этимъ и теперь. И надѣюсь, что останусь при этомъ не одинъ, но имѣя съ собой „облакъ свидѣтелей“ — отъ Пушкина и Тютчева до Достоевскаго и Вл. Соловьева, и не убоюсь въ кругу богомудрыхъ мужей сихъ скорпіоновъ вашей ироніи. Что-жъ! теперь выигрышное время для ироніи и злорадства, но вѣдь съ окончательнымъ приговоромъ исторіи вы все же поторопились. Итакъ, вѣрую попрежнему, что Россія воистину *призвана* явить міру новую соборную общественность, и часть рожденія ея *могъ* пробить аппо 1914. Далѣе, не отказываюсь и отъ мысли, что участіе въ міровой войнѣ *могло* оказаться великимъ служеніемъ человѣчеству, открывающимъ

новую эпоху въ русской да и во всемірной исторіи, именно византійскую. Но этимъ, конечно, предполагалось бы изгнаніе турокъ изъ Европы и русскій Царьградъ, какъ оно и было предуказано Тютчевымъ и Достоевскимъ . . .

Общественный дѣятель. Но что же произошло?

Писатель. Произошло то, что Россія *измѣнила* своему призванію, стала его недостойна, а потомъ пала, и паденіе ея было велико, какъ велико было и призваніе. Происходящее нынѣ есть какъ бы негативъ русскаго позитива: вмѣсто вселенскаго соборнаго всечеловѣчества—пролетарскій интернаціональ и „федеративная“ республика. Россія *измѣнила* себя самой, но могла и не *измѣнять*. Великія задачи въ жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ ввѣряются ихъ свободѣ. Богать не насилуетъ, хотя Богъ поругаемъ не бываетъ. Потому, слѣдуетъ напередъ допустить разныя возможности и отклоненія путей. Вы знаете, насколько этотъ вопросъ всегда интересовалъ С. В. Ковалевскую и съ математической, и съ общечеловѣческой стороны. Она излила свою душу въ двойной драмѣ: *какъ оно могло быть и какъ оно было*, съ одними и тѣми же дѣйствующими лицами, но съ разной судьбой. Вотъ такая же двойная драма нынѣ начертана перстомъ исторіи о Россіи; теперь мы переживаемъ печальное „какъ оно было“, а тогда могли и должны были думать о томъ, „какъ оно можетъ быть“.

Дипломатъ. Вотъ въ томъ то и бѣда, что у насъ сначала измышляется фантастическая орбита, а затѣмъ исчисляются мнимыя отъ нея отклоненія. Выдумываютъ себѣ химеру несуществующаго народнаго сознанія, да съ нею и носятся. И это дѣлается вѣдь втеченіе цѣлаго вѣка, притомъ же лучшими умами націи, ея мозгомъ. Да понимаете ли вы, господа, что этимъ своимъ сочинительствомъ вы возводите на свой же собственный народъ клевету и хулу? Вѣдь онъ неизбѣжно окажется у васъ виноваты, если не оправдаетъ приписываемаго ему призванія. Народъ хочетъ землицы, а вы ему сулите Византію да крестъ на Софіи. Онъ хочетъ къ бабѣ на печку, а вы ему внушаете войну до побѣднаго конца. Объ этомъ, господа, знаете, какъ сказано въ Книгѣ, на которую вы такъ любите иногда ссылаться: „Связываете бремена неудобноносимыя и сами пальцемъ не хотите ихъ шевельнуть“. Нѣтъ, большевики честиѣ: они не сочиняютъ небылицъ о народѣ. Они подходятъ къ нему прямо съ программой Лѣсковскаго Шерамура: *жрать*. И народъ идетъ за ними, потому что они общаются „жрать“, а не крестъ на Софіи.

Писатель. Теперь на вашей улицѣ праздникъ: легко шерамурствовать, когда кругомъ царитъ шерамурство. Но гдѣ же вы были съ вашимъ скептицизмомъ, когда вся Россія казалась охваченной энтузіазмомъ, въ эти незабвенные дни въ Москвѣ и Петроградѣ?..

Дипломатъ. Положимъ, теперь мы уже знаемъ и всю закулисную сторону этихъ парадовъ, какъ и многое другое изъ начальной исторіи войны.

Писатель. Но припомните же начало войны: наши галиційскія побѣды, духъ войскъ, который и мы узнавали здѣсь по настроенію раненыхъ, общій подъемъ. Сдѣлайте надъ собой усиліе, отвлекитесь отъ подлаго шерамурства исторической минуты и продолжите мысленно *тогда* намѣчавшуюся магистраль исторіи. Куда она ведетъ? Мы были уже наканунѣ похода на Царьградъ, а вѣдь это цѣлая историческая программа, культурный символъ. Впрочемъ, нѣтъ большаго горя, какъ въ дни бѣдствій вспоминать о минувшемъ блаженствѣ... Будете-ли вы отрицать, что народъ имѣетъ разные пути въ возможности, какъ и душа народная имѣетъ двѣ бездны: вверху и внизу? Народъ въ высшемъ своемъ самосознаніи есть тѣло церкви, родъ святыхъ, царственное священство, но въ паденіи своемъ онъ есть та революціонная чернь, которая, опившись какой-нибудь тамъ демократической сивухи марки Ж.-Ж. Руссо или К. Маркса, таскается за красной тряпкой и горланить свое „впередъ“. И развѣ народъ нашъ, до этого революціоннаго запоя, не бывалъ христолюбивъ и свѣтелъ, жертвененъ и прекрасенъ? Станете вы это отрицать? Нѣтъ, не станете.

Дипломатъ. Да, въ извѣстномъ смыслѣ и не стану.

Писатель. А если не станете, то не можете отрицать и того, что такой народъ достоинъ того призванія, которое указывали ему его пророки— не какъ привилегію, но какъ тягчайшую отвѣтственность. Поэтому во что бы то ни стало надо намъ теперь сохранить рыцарскую вѣрность народно́й, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашей собственной святыни въ эту ужасную годину. Забвена буди десница моя, аще забуду тебе Іерусалиме; прильпни языкъ къ гортани моей, если стану хулить и шерамурствовать вслѣдъ за большевиками.

Дипломатъ. Позвольте, позвольте. То, что вы съ такой убійственной ироніей называете теперь шерамурствомъ, есть ничто иное, какъ прямое продолженіе той всемірной бойни, въ которой вы изволите различать верхъ и низъ, шуйцу и десницу. Для меня это кошмарное бѣдствіе не оправдывается никакими соображеніями. Самое большее,— я могу еще, признавъ его неизбежность, склониться передъ нимъ, однако, лишь такъ, какъ я принужденъ склоняться предъ силой болѣзни и смерти. Поэтому я ношу трауръ на сердцѣ съ самаго 1914 года—стыдно признаваться въ сентиментальности, но вѣдь и самые трезвые люди бываютъ иногда сентиментальны и суевѣрны даже. Вотъ тогда-то именно и загорѣлся мой домъ, моя святыня,—европейская цивилизація, а отъ нея запыхала и наша соломенная Россія. Раньше еще возможно было вводить войну чуть не въ повседне-

вное употребленіе, тогда были другіе нравы: рѣзали другъ друга во славу Божию. Но для теперешней Европы война невыносима и преступна, она есть мерзость предъ Господомъ, и въ этомъ сплошномъ безуміи и паденіи я не вижу никакого просвѣта.

Писатель. Такъ что вы, очевидно, полагаете, что Европа, задыхавшаяся въ капиталистическомъ варварствѣ, въ напряженіи милитаризма, наканунѣ войны имѣла больше духовнаго здоровья, нежели теперь, когда очистительная гроза уже разразилась? Вѣдь ваша Европа тогда представляла собой скопидомную мѣщанку, которая настолько обогатилась, что стала уже позволять себѣ пожить и въ свое удовольствіе. Только вспомните одни курорты европейскіе да и все это торгашество, мелкія достиженія мелкихъ людей, на которыя размѣняла себя Европа. Я сдѣлаю вамъ личное признаніе: за послѣднія 15 лѣтъ я совершенно пересталъ ѣздить за-границу, и именно изъ-за того, что тамъ хорошо жилось. Я боялся отравиться этимъ комфортомъ, отъ него можно вѣру потерять...

Дипломатъ. Признаніе цѣнное, хотя не знаю, кого оно болѣе характеризуетъ. Помните изреченіе сына Сирахова: „бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящемуся“? Можетъ быть, отъ страха и не досмотрѣли тамъ чего-либо и помимо мѣщанства, котораго ужъ намъ, во всякомъ случаѣ, не стать занимать у Запада? Иные ваши единомышленники

даже предпочитали жить на Западѣ для възгрѣванія духа народнаго, дабы запастись всякими доказательствами отъ противнаго и живописали тамъ были и небылицы о русскомъ народѣ: о русскомъ социализмѣ или о русскомъ Христѣ, смотря по предрасположенію. Вѣдь чего же грѣха таить: и Тютчевъ пріятнѣе чувствовалъ себя въ мюнхенскомъ посольствѣ, нежели въ „краю родномъ долготерпѣнья“, „въ мѣстахъ немилыхъ, хотя и родныхъ“. Я вообще не знаю, что осталось-бы отъ нашего славянофильства всѣхъ видовъ, если-бы не было европейскаго „прекраснаго далека“. Мнѣ даже кажется иногда, что оно наполовину является порожденіемъ эмиграціи.

Писатель. И все-таки Европа наканунѣ войны была духовно мертвѣющей страной, и лучше что угодно, нежели возвращеніе къ *status quo ante*. Вообще ни къ какой реставраціи вкуса я не ощущаю, а ужъ тѣмъ болѣе къ духовной.

Дипломатъ. И однако, даже худой миръ остается лучше доброй ссоры. Это подтвердятъ вамъ тѣ, кому дѣйствительно пришлось понести тягости войны, всѣ эти увѣчные, вдовы, сироты. А я все-таки смѣю вамъ снова предложить свой вопросъ: какъ могли вы и вся группа вамъ близкихъ дойти до такого изступленія бряцанія оружіемъ — увы! только словеснымъ, — до такого апоѳеоза міровой бойни? По своему обычаю говорить именемъ народа —

кто только этого не дѣлаетъ? — вы ему приписываете, что онъ лишь того и жаждетъ, чтобы сокрушить челоуѣкобожіе германскаго вампира и водрузить крестъ на св. Софіи, благо народъ безмолвствовалъ. А когда онъ получилъ свой голосъ, онъ показалъ на дѣлѣ, какъ онъ думаетъ о вампирѣ и о Софіи!

Писатель. Неужели вамъ нужно снова перебирать все это пасифистское старье, такъ надоевшее, повторять споры Достоевскаго, Соловьева, Толстого и др., какъ будто елейными разсужденіями можно осилить войну? Оставьте это вегетаріанское ханжество тупоголовымъ толстовцамъ, не желающимъ видѣть далѣе своего носа. Впрочемъ, къ этому хору присоединились еще революціонные пасифисты, которые съ ногъ до головы въ крови и грязи сами. Да я боевому офицеру руки готовъ цѣловать, а вотъ этихъ янычаръ социализма, сухопутныхъ матросовъ разныхъ и весь этотъ красный легіонъ видѣть не могу, на улицѣ обхожу при встрѣчѣ, какъ исчадіи.

Дипломатъ. Однако, народности этого типа, которому, по вашему же, имя легіонъ, и вы не можете отрицать. Бѣда же была въ томъ, что своимъ шовинизмомъ, овладѣвшимъ одинаково и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, мы поддерживали атмосферу, въ которой нельзя было и думать о скоромъ прекращеніи войны. Благодаря этому былъ

пропущенъ для ея ликвидаціи и первый моментъ революціи, когда попытка эта была такъ естественна. Но на это не хватило у нашего общественнаго мнѣнія самостоятельности, а сколь многое можно было бы тогда предотвратить, сразу поставивъ вопросъ о мирѣ.

Писатель. Да, теперь, когда война не удалась, легко находить виноватыхъ.

Дипломатъ. Но все-таки дайте же мнѣ поставить свой вопросъ до конца. И такъ, я отнюдь не предполагаю тратить пороха для защиты пасифизма: ясно, что надо защищаться, если кто-либо нападаетъ: валять Ивана-дурака я вовсе не желаю. Пойду и дальше: если государственный разумъ и народный интересъ велятъ что-либо заработать отъ этой войны, надо взять, что плохо лежитъ, безъ всякаго тамъ прикрытія „историческими задачами“. На войнѣ — всѣ волки, и нечего прикидываться овечками. Для насъ такимъ лакомымъ кускомъ всегда былъ Босфоръ, а одно время, казалось, и Галиція. Иные же — и изъ вашего лагеря — мечтали даже о большемъ, именно, чтобы заключить миръ непременно въ Берлинѣ или Вѣнѣ, пройдя черезъ всю вражескую страну съ доблестными казачками. Стыдно и горько вспоминать теперь объ этомъ, все-таки кой-чему мы научились и прозрѣли за время испытаній. Ну, такъ вотъ: это все — волчьи чувства. Левіафанъ — такъ Левіафанъ. Вотъ какъ нѣмцы теперь проглатываютъ кусокъ за кус-

комъ русскую территорію и все не могутъ остановиться. Но вы эту желѣзную цѣпь всю розами обвили, да еще и крестъ надъ ней водрузили, кощунственно и лицемѣрно. Вѣдь это же напоминаетъ— какъ теперь: не просто отбираютъ имущество, а реквизируютъ во славу вѣры социалистической, которую иные исповѣдуютъ вѣдь и за совѣсть, а не изъ за одной корысти или хищничества.

Писатель. Нисколько не боюсь ни вашихъ сентиментальностей, ни вашихъ сравненій. Внѣшне можно сопоставлять съ великою историческою задачей и жалкую бредовую идею. Вѣдь вся русская исторія говоритъ намъ, что „Константинополь долженъ быть нашъ“. Исторія же не въ бѣлыхъ перчаткахъ дѣлается, и не школьный учитель ея герой. Царства создаются и разрушаются подъ громы битвъ, въ землетрясеніяхъ. И когда *началось* землетрясеніе, когда мы оказались вовлечены въ войну съ Турціей, всякому, не закрывающему глазъ, стало ясно, что исторія поставила вопросъ о Царьградѣ. А о томъ, что онъ есть священный символъ новой исторической эпохи для Россіи, мы твердо знали и раньше. Не намъ дано было назначать времена и сроки, но не намъ и противиться имъ. Поэтому я ощущалъ, какъ неумѣстный гамлетизмъ и историческое малодушіе, резиняцію на ту тему, достойны ли мы, чумазы, водрузить крестъ на Софіи, или надо намъ для этого предварительно кабаки закрыть или хотя черту осѣдлости отмѣнить. . .

Дипломатъ. Надѣюсь, что теперь резиньяція находитъ большій доступъ къ вашему сердцу?

Писатель. Нисколько. Я не страдаю истерическимъ слизнячествомъ, которое всегда пасуетъ передъ силой. Напротивъ, я склоненъ думать, что Россія духовно отравлена именно черезъ это уклоненіе отъ своего историческаго долга. Вы обратите вниманіе, какъ измѣнился даже внѣшній видъ солдата, — онъ сталъ какимъ-то звѣроподобнымъ, страшнымъ, особенно матросъ. Признаюсь вамъ, что „товарищи“ кажутся мнѣ иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновскихъ обезьянъ — *homo socialisticus*.

Бѣженецъ. Указаніе на появленіе такихъ существъ безъ духа, но съ душой, начиная уже съ 1848 года, есть въ записяхъ А. Н. Шмидтъ, она относитъ это къ подготовленію царства антихриста. Мнѣ тоже приходило въ голову это сближеніе съ передпотопнымъ чловѣчествомъ.

Дипломатъ. Ну и что же, развѣ совсѣмъ недавно не были вы готовы почти молиться на сѣрую шинель? Неужели вы не замѣчаете, какое барское, недостойное здѣсь отношеніе къ народу: то крестоносцы, а то звѣри! Ни то, ни другое: темные, некультурные люди, которыхъ насильно повели на бойню; сначала они терпѣли, и тогда имъ ставилось 5 за поведеніе, а потомъ потеряли терпѣніе,

оздѣлись, ну и „самоопредѣлились“; конечно, тогда хамъ и распоясался во всю. Крестоносцы! До сихъ поръ не можете забыть эту официальную ложь, которая столь же отвратительна, какъ и расточаемая нынѣ лесть разнымъ пролетарскимъ potentatamъ казенными перьями. Одно другого стоитъ. Развѣ можно вообще въ наше время говорить о крестовомъ походѣ?

Писатель. Теперь, къ сожалѣнію, нельзя, послѣ того, какъ народъ нашъ поклонился красной тряпкѣ и золотому тельцу, точнѣе—его бумажному суррогату. Но пока народъ нашъ признавалъ себя православнымъ, тогда было можно и должно говорить.

Дипломатъ. Тогда-то это было особенно кощунственно. Вѣдь и религіозное сознаніе имѣетъ свои возрасты: то, что нѣкогда почиталось „крестовымъ походомъ“, теперь является „имперіализмомъ“ или даже „вампиризмомъ“, возвышенными мотивами прикрывающимъ низменную корысть. И я не ожидалъ отъ нашего славянофильства столь вольнаго перевода ихъ романтическихъ мечтаній на языкъ имперіализма. Мнѣ казалось, что обладаніе Царьградомъ вообще мыслится ими не какъ результатъ насилія и завоеванія, но какъ слѣдствіе культурнаго единенія славянства, — словомъ, какъ постепенно созрѣвающій плодъ исторіи. Полагаю, что даже теперь такая перспектива не во все ушла изъ поля историческаго зрѣнія, хотя и

отдалилась безмѣрно. Вступить же въ полоненный Константинополь въ сонмъ славныхъ русскихъ лицъ, составлявшихъ окруженіе престола передъ революціей, чтобы начать тамъ всякія безобразія и сдѣлаться всѣмъ ненавистнымъ, отъ этой печальной судьбы помиловали насъ боги. Кстати, не находите ли вы, что подобный же вольтъ мысли повторяютъ большевики, полоняя огнемъ и мечомъ какой-нибудь русскій городъ и тѣмъ объявляя его включеннымъ въ область социалистическаго рая—впредь, пока ихъ не прогонять?

Писатель. Повторяю, что эта ваша иронія возвращается на васъ самихъ, какъ грѣхъ противъ хорошаго тона. Но я попрежнему не считаю ошибкой мысль, что Царьградъ долженъ быть нами завоеванъ, и затѣмъ началась бы новая, царьградская эпоха нашей исторіи, какъ петербургскій ея періодъ начался съ основанія Петербурга. Исторія идетъ порывисто, толчками, притомъ она отнюдь не сентиментальна, но скорѣе лапидарна.

Дипломатъ. А природа эволюціонна: *natura non fecit saltus*, или, въ русскомъ переводѣ, всякому овощу свое время. И все-таки—воля ваша—я не могу не видѣть въ этомъ неовизантизмѣ увлеченія или самообмана, прикрывающаго „аннексию и контрибуціи“. И ужъ честнѣе и откровеннѣе были тѣ политики, которые находили, что для Россіи просто необходимы проливы. Я на вашемъ мѣстѣ поосто-

рожиѣ бы обращался со священными символами и не далъ бы имъ настолько вывалиться въ грязи. Неужели вы сами можете теперь безъ краски стыда вспоминать о своихъ царьградскихъ мечтаніяхъ?

Писатель. Вѣренъ имъ, какъ и раньше, и впередъ пребуду вѣренъ. Россія измѣнила своему призванію и продала первенство за чечевичную похлебку, которой тоже не получила — впрочемъ, и слава Богу!.. Однако, пути исторіи неисповѣдимы, и не легко разгадать лукавство разума, ею правящаго. Можетъ быть, теперь ту задачу, которая поручена была русскому оружію, приняло на себя германское.

Общественный дѣятель. Это какъ же? Что вы думаете?

Писатель. А то, что, отторгая южную Россію, нѣмцы крѣпче спаиваютъ ее со всѣмъ южнымъ и западнымъ, австрійскимъ и балканскимъ, славянствомъ, сливаютъ славянскіе ручьи въ русское море, быть можетъ, вѣриѣ, чѣмъ мы это умѣли. А ужъ остальное довершитъ логика вещей, и объединенное славянство, свергнувъ иго германства, стихійно докатится и до Царьграда. И исполнится предвѣстіе Тютчева, надъ которымъ рано еще иронизировать.

Дипломатъ. Опять мечтательность російская, которой хочется увильнуть отъ горькой дѣйствительности. Какое зло для человѣка идеологія! И какая вообще можетъ быть идеологія у этой войны!

Въ началѣ еще: она казалась: имѣющей какую то правду: самооборона, защита славянства (чертъ бы его подраль совѣсть!), борьба за свободу. Но вѣдь такой энтузіазмъ, по законамъ естества, могъ продолжиться мѣсяца два-три, и когда война перешла этотъ, единственно для нея допустимый, срокъ — замѣтите, что въ началѣ ея неомраченное еще сознание Европы такъ это и понимало, — война закономѣрно загнила и стала ужасающимъ источникомъ деморализаціи и озвѣрѣнія. Опредѣляющее значеніе получило желаніе поживиться или другъ друга истребить, и теперь всѣ уже потеряли голову. Въ этой грабительской бойнѣ даже русская революція сначала ничего не умѣла измѣнить, а только изъ всѣхъ силъ старалась быть паинькой передъ союзниками и безсильно лепетать: „война до побѣднаго конца“, прибавляя единымъ духомъ: „безъ аннексій и контрибуцій“, однако, съ потаенной надеждой все-таки на Константинополь. И вся эта канитель тянулась, пока большевики не разрубили гордіева узла. Въ этой ихъ прямолинейности, въ которой вы видите одинъ скандалъ и измѣну, сказалось движеніе правдивой русской души, которая не дала себя затуманить международному ареопагу.

Писатель. Теперь вы опять оказываетесь въ единомыслии съ большевиками, которые, объявивъ себя миролюбцами передъ грознымъ врагомъ, принялись за истребленіе безоружнаго населенія. Хорошо правдивое движеніе души, цинизмъ безпросвѣтный!

Дипломатъ. Да какъ же вы не видите, что большевизмъ есть прямое наслѣдіе и продолженіе войны; ея гніеніе, перешедшее вовнутрь. Это-то и есть наилучшее обличеніе войны, всей ея преступности: мечтали о царьградской эпохѣ, а получили гражданскую войну и социальную тиранію, отъ разбоя внѣшняго перешли къ разбою внутреннему. И есть жестокая жизненная правда въ томъ, что всѣ мы, герои тыла, изъ прекраснаго далека аплодировавшіе войнѣ, должны ее испытать на собственной шкурѣ, оплатить чистоганомъ за свои почетныя кресла зрителей на спектаклѣ міровой исторіи. Теперь, послѣ того, какъ мы пережили всѣ кошмары большевизма, становится немного стыдно нашихъ завоевательныхъ мечтаній, которыя сводились къ тому, чтобы напустить дикую солдатчину, всякихъ большевиковъ, на беззащитное населеніе враждебной страны. У насъ теперь эту солдатчину и всеобщее одичаніе объявили социализмомъ и наименовали „диктатурой пролетаріата“. Однако, въ этой солдатчинѣ повинна и вся Европа, и не уйти и ей отъ своего возмездія, отъ всеевропейскаго большевизма. Въ этомъ ожиданіи, по моему, правы большевики, хотя и могутъ ошибиться въ срокъ, который для нихъ-то всего важнѣе. Да чего таить: и въ звѣриномъ образѣ большевика противъ культа всеобщей солдатчины поднимаетъ мятежъ все таки человѣкъ.

Бѣженецъ. Въ этомъ замѣчаніи много вѣрнаго. Не случайно, что большевизмъ раньше всего поя-

вился именно въ Россіи. Конечно, народъ нашъ, какъ наиболѣе слабый экономически, менѣе всего способенъ къ продолжительному несенію военныхъ тяготъ, но, кромѣ того, онъ и наименѣе извращенный, съ дѣвственной еще кровью. Обратите вниманіе, насколько косить дикихъ алкоголь и сифилисъ, къ которымъ, по своему, приспособились европейцы. И это не значитъ, что дикари въ этомъ отношеніи хуже ихъ, но совсѣмъ наоборотъ, вслѣдствіе чистоты и благородства ихъ крови. Русская душа не вынесла надолго ига милитаризма, и слава Богу! Развѣ вы хотѣли бы, на самомъ дѣлѣ, чтобы русскій солдатъ уподобился военной куклѣ, которую швыряютъ съ одного фронта на другой, чтобы лечь костями за новыя рынки для Vaterland'a? Не есть ли эта deutsche Treue скорѣе извращеніе естества? Нашъ народъ не любитъ войны, это фактъ.

Дипломатъ. И, во всякомъ случаѣ, войну со своими офицерами и безоружнымъ населеніемъ онъ предпочитаетъ войнѣ съ вооруженнымъ врагомъ. Я не нахожу большого вкуса ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ гуннахъ, ни въ половцахъ. Характерно, что большевистское иго измѣнило обывательское отношеніе къ нѣмцамъ: тѣ самые, которые недавно еще пылали шовинизмомъ, теперь вздыхаютъ о нихъ, какъ объ избавителяхъ. Замѣчаете, какіе успѣхи дѣлаетъ „германская оріентація“?

Общественный дѣятель. Да, это, безспорно, крайне печальный фактъ. Инстинктъ самосохраненія

ненія погашаетъ въ насъ другія чувства. Большевиизмъ насильственно вогналъ насъ въ „буржуйность“, пробудилъ тотъ самый духъ, который собирался заклѣсть. Самъ онъ есть буржуйность „пролетаріевъ“, дорвавшихся до жизненнаго пира и развалившихся съ ногами прямо на столъ. Всѣ же ушибленные испугомъ и жаждущіе покоя и охраны собственности—а вѣдь, кому же она не мила!—вздыхаютъ о нѣмцѣ, который становится ангеломъ-хранителемъ буржуазнаго строя. Россія положительно задыхается отъ буржуазности подъ лапой звѣря. Какая мерзость, какая тоска!

Дипломатъ. Что-то мало вѣрится въ подлинную возвышенность чувствъ у тѣхъ, кто такъ легко поддается испугу. Да вѣдь и то сказать: развѣ же нѣтъ и глубокой правды въ этомъ движеніи „народнаго гнѣва“, какъ и въ прежней пугачевщинѣ? Я социализмъ считаю, конечно, недомысліемъ и ребяческимъ предразсудкомъ, но когда я вспоминаю о той оргіи наживы, которой охвачены были наши Минины и Пожарскіе передъ революціей, иногда не могу воздержаться отъ злорадства. Такъ имъ и надо! Умѣли кататься, умѣйте и саночки возить! Имъ, конечно, всякое пробужденіе народныхъ массъ доставляетъ неудобства. . . . Теперь народъ все-таки получаетъ справедливое удовлетвореніе за то, что несъ тяжесть этой войны... А все-таки вотъ вамъ мораль войны: благодаря войнѣ, наступила не византійская, но большевистская эпоха въ русской исторіи.

Діалогъ второй.

„Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный“.

Пушкинъ.

„О, бурь заснувшихъ не буди,
Подъ ними хаосъ шевелится“.

Тютчевъ

Генераль. Я со всѣми этими сближеніями рѣшительно не могу согласиться. Вы упускаете изъ виду при этомъ разсужденіи событіе первостепенной, колоссальной важности — революцію. Именно она стубила войну, а затѣмъ и Россію. Армія лишилась души, а война — своего смысла, вслѣдствіе революціи. Не знаю, какой ужъ — нѣмецкій или масонскій — заговоръ здѣсь былъ, чтобы свалить Россію, но революція, да еще во время войны, явилась настоящимъ самоубійствомъ для русской государственности.

Дипломатъ. Я, конечно, ни на минуту не забываю о революціи, но я ее рассматриваю также въ контекстѣ войны, какъ одинъ изъ ея эпизодовъ, впрочемъ, весьма существенный. При этомъ я вижу въ ней еще закономерное, совершенно неизбѣжное движеніе народа къ освобожденію. Низверженіе ста-

раго строя есть единственное изъ достижений войны, которое я приѣмлю безусловно и безъ всякаго ограниченія. Вѣтхій тронъ разлетѣлся въ тысячу щепъ. И хотя я знаю, что изъ этой тысячи образовалась тысяча-тысячъ доходныхъ курульныхъ креселъ для разныхъ помпадуровъ отъ социализма да земскихъ начальниковъ отъ революціи, но это все пройдетъ, а къ прошлому все-таки возврата не будетъ. И день 2 марта 1917 года навсегда для меня останется свѣтлою датой.

Генераль. А для меня онъ былъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ тягостныхъ дней жизни, воистину смертный день. Я не знаю, какъ пережилъ я эту страшную утрату—въ то время, какъ всѣ ликовали, другъ друга поздравляли. Мучительно даже воспоминаніемъ касаться этого проклятаго Богомъ дня. И тогда для меня стало сразу же ясно, что война окончена и безповоротно проиграна, что погибла наша Россія.

Общественный дѣятель. Ну нѣтъ, про себя я долженъ признаться, что тогда-то я и повѣрилъ въ русское будущее. Вѣдь только подумать: разорено змѣиное гнѣздо измѣны, во главѣ правительства стали вѣрные испытанные вожди. Я и теперь думаю, что если революція не удалась, то на это были свои причины въ видѣ ошибокъ, слабостей, увлеченій, но сама по себѣ она была, во всякомъ случаѣ, необходимой и благодѣтельной.

Генераль. Подобныя сужденія раньше способны были меня приводить въ бѣшенство и отчаяніе, пока я совершенно не разочаровался въ русскомъ образованномъ обществѣ. . . Частныя ошибки. . . Да вѣдь все, все было уже предопредѣлено въ тѣ дни, когда порвалась внутренняя связь Россіи, ея историческая скрѣпа, опредѣляющая форма жизни. Это, кажется, энтелехіей, что ли, философы называютъ? Ну такъ вотъ, потеряла Россія эту свою государственную энтелехійность. Россія есть царство, или же ея вообще нѣтъ. „So sagten schon Sibyllen so Propheten“. Этой истинѣ достаточно научило насъ и Смутное время. Ея не понимали только тупоголовые, самодовольные „водители“, которые самоуверенно расположились въ министерскихъ креслахъ, какъ у себя дома. Но пришли другіе люди, менѣе хитроумные, зато болѣе рѣшительные, и безъ церемоній сказали: позвольте вамъ выйти вонъ. Ну, иныхъ и помяли при этомъ, — безъ этого переворота не обходятся. А я вамъ скажу: отлично сдѣлали. Ужъ очень отвратительна одна эта мысль объ окадеченной, „конституціонно-демократической“ Россіи. Нѣтъ, лучше ужъ большевики: style russe, сарынь на кичку. Да изъ этого еще можетъ и толкъ выйти, имъ за одинъ разгонъ Учредительнаго Собранія, этой пошлости всероссійской, памятникъ надо возвести. А вотъ изъ мертвой хватки господъ кадетовъ Россіи живую не выбратся-бъ!

Дипломатъ. Фатальный ходъ мысли, обрекающій

русскій консерватизмъ на симпатіи къ большевизму, конечно, ради надежды на реставрацію: не даромъ же, какъ говорятъ, въ рядахъ большевиковъ скрывается столько черносотенцевъ. И притомъ, я увѣренъ, что иные изъ нихъ работаютъ не только за страхъ, но и за совѣсть, все ради этого призрака. Въ этой ненависти къ европейскимъ политическимъ формамъ, вообще къ „правовому государству“ и праву, есть нѣчто поистинѣ азіатское, отъ чего мы и всегда изнемогали, а теперь сдѣлались однимъ только объектомъ международнаго права. Какъ политикъ, я не закрываю глазъ на слабости и ошибки кадетовъ, на ихъ неустойчивость и вѣчное оглядываніе налѣво, — вѣдь имъ приходится бороться съ тѣми же закоренѣлыми русскими предразсудками и въ своей собственной средѣ. Однако, это есть все же единственная партія въ Россіи, имѣющая политическій разумъ.

Генераль. Вотъ именно его то они и не имѣютъ. Ничего они въ Россіи не понимаютъ и не видятъ дальше своего носа. Развѣ они понимали когда нибудь, что значить царская власть для Россіи, вообще власть „милостью Божіей“? Этого въ ихъ шпаргалкахъ не значитъ... Посмотрите, съ какою безпомощностью мечутся они отъ монархіи къ республикѣ, а отъ республики къ монархіи, по справедливости не встрѣчая себѣ довѣрія ни тамъ, ни здѣсь. Для нихъ, изволите-ли видѣть, вопросъ о главѣ государства въ Россіи не имѣетъ принци-

діального значенія, а только практическое. Это судятъ такъ русскіе государствовѣды съ политическимъ разумомъ... Нѣтъ! Въ революціи кругомъ виноваты они!

Общественный дѣятель. Ну вотъ, нашли виноватаго! Ату его!

Генераль. Да, они! Они ее подготовляли, они ее хотѣли, а теперь обижаются, что не по-ихнему выходить, что сами получили въ шею. Вѣдь не дѣти-же мы: отлично понимали, что значить и этотъ „прогрессивный думскій блокъ“ съ октябристскимъ рамолисментомъ по кадетской указкѣ, и вся эта мобилизація общественности съ ея невыносимой шумихой. Да если-бы они понимали что нибудь въ Россіи, они знали-бы, какую ставку дѣлають, шипя о „перемѣнѣ шоффера“, по подлому тогдашнему выраженію.

Общественный дѣятель. Да и вы не стѣсняйтесь въ выраженіяхъ.

Генераль. Я старый солдатъ и дипломатничать не люблю. Я помню хорошо всѣ эти разговоры съ ними уже наканунѣ революціи. Разсуждали о томъ, насколько безболѣзненно пройдетъ для арміи и страны „перемѣна шоффера“. И я, неисправимый романтикъ самодержавія, утопистъ, чувствовалъ себя единственнымъ трезвымъ среди изступленныхъ. Они вообразили, что перемѣнить помазанника Божія можно и впрямь, какъ извозчика,

и что, переѣхавъ, они и поѣдутъ, куда желаютъ. Вотъ и поѣхали! Что, просчитались немножко? Не нравится теперь? Нѣтъ, молодцы большевики!

Дипломатъ. Печальная черта русскихъ, да и вообще славянства: изъ-за партійныхъ распрей забывать о Россіи. Хотя-бы у нѣмцевъ поучиться партійному самообладанію во имя патріотизма. Изъ за злорадства восхваляютъ большевиковъ! И все-таки остается незыблемымъ историческимъ фактомъ, что революція не явилась у насъ слѣдствіемъ чьего либо умысла или заговора. Вы слишкомъ многое здѣсь приписываете кадетамъ и ихъ союзникамъ и столь-же низко расцѣниваете, тѣмъ самымъ, прочность излюбленной вами „священной теократической власти“, если допускаете, что ее можно было свалить интригами или думскимъ блокомъ, или даже, какъ утверждаютъ иные, подкупленными чѣмъ-то золотомъ полками. Въ томъ-то и дѣло, что революціи у насъ никто не дѣлалъ и даже никто, по настоящему, такъ скоро и не ждалъ: она *произошла*, сама собой, стихійной силой. Давно уже подгнившій тронъ рухнулъ и развалился, и на его мѣстѣ *ничего*, ровно ничего не осталось. Въ этомъ то и должна-бы, на мой взглядъ, заключаться главная трагедія фанатиковъ самодержавія. Революцію сдѣлала война, а затѣмъ ею воспользовались какъ достойные, такъ и недостойные власти, и событія стали развертываться съ неумолимой логикой.

Писатель. Да, и я скажу: какъ я ни старался

быть вѣренъ священному преданію, но я похоронилъ въ своемъ сердцѣ самодержавіе ранѣе его паденія. Развѣ не были сплошной агоніей всѣ эти послѣдніе годы и мѣсяцы стараго режима? Безнадежный больной, который оплаканъ ранѣе смерти! Когда-же это, наконецъ, совершилось, то я почувствовалъ даже нѣчто вродѣ облегченія, у меня не осталось уже слезъ и сожалѣній. По крайней мѣрѣ, освободился я отъ тяжелой необходимости постоянно извинять его и защищать передъ другими, да и передъ самимъ собой, и притомъ безъ всякой уже вѣры. Вѣдь не повѣрите, до того я дошелъ, что чувствовалъ себя чуть-ли не лично отвѣственнымъ предъ всѣми, знавшими мой образъ мыслей, за всѣ эти безумные акты, за это бездарное безвкусіе, рахитизмъ какой-то золотушный. Приходится сказать: оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ.

Общественный дѣятель. Тутъ не только бездарность и деспотизмъ, но вѣдь и распутинщина, вотъ этотъ самый *style russe*. Вѣдь кошмарно вспомнить объ этомъ даже и теперь. Распутинъ, — вотъ истинный вдохновитель революціи, а не кадеты.

Бѣженецъ. Вы правы, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ сами думаете, насколько Распутинъ былъ точкой приложенія, медиумомъ для дѣйствія нѣкоторыхъ мистическихъ силъ. И тѣмъ не менѣе, въ этомъ роковомъ вліяніи болѣе всего сказался

историческій характеръ, даже значительность, послѣдняго царствованія. Царь взыскалъ пророка теократическихъ вдохновеній, — вѣдь это ему и по соловьевской схемѣ полагается! Его ли одного вина, что онъ встрѣтилъ въ отвѣтъ на этотъ свой зовъ, идущій изъ глубины, только лжепророка? Развѣ здѣсь не повиненъ и весь народъ, и вся историческая церковь съ первосвященниками во главѣ? Или же никто лично здѣсь не виноватъ, и если ужъ можно говорить о винѣ, то только о трагической, точнѣе, о судьбѣ, о нѣкоей жертвенной обреченности, выпадающей на долю достойнѣйшихъ, а отнюдь не бездарностей.

Общественный дѣятель. Совершенно не понимаю этой идеализаціи распутинства и какой-то мистификаціи грязнаго мужика. Но политическихъ-то результатовъ этой хлыстократіи вѣдь ужъ никто не можетъ отрицать, и нельзя было оставлять страну въ разгарѣ міровой войны на жѣртву этихъ хлыстовскихъ экспериментовъ. Да что говорить: я знаю достовѣрно, что, когда убить былъ Распутинъ, даже весьма благочестивыя духовныя лица, конечно, не дѣлавшія на немъ карьеры, искренно перекрестились.

Генераль. А вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ тоже легко было видѣть и распутинство, и этотъ рахитизмъ власти? Но для меня аксіома, что народъ имѣетъ правительство, какого заслуживаетъ,

а относительно помазанника Божія я вѣрю еще и въ то, что сердце царево въ рукѣ Божіей, и намъ не дано исправлять Его пути, въ чемъ теперь и всѣмъ пора убѣдиться, какъ пора убѣдиться и въ томъ, что царь, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, все таки былъ выше своего народа. Не захотѣли царскаго самодержавія, несите теперь иго интернаціональнаго.

Общественный дѣятель. На свой вкусъ, я большой разницы здѣсь не вижу.

Генераль. Да вѣдь какъ бы ни ворчали и ни скорбѣли тогда, но была надежда, что царская власть, вопреки всѣмъ вымысламъ объ измѣнѣ, которые такъ и остались безо всякаго подтвержденія, доведетъ Россію все же и до побѣднаго конца войны, и до вратъ Царьграда. Съ революціей же у меня сразу пропала всякая надежда. Да и на кой лядъ мнѣ сталъ Царьградъ безъ царя, что я туда съ папѣ Милюковымъ и душкой Керенскимъ, что ли, пойду? Пусть ужъ лучше тамъ турецкій султанъ сидитъ съ уцѣлѣвшими старотурками, хранителями древляго мусульманскаго благочестія. Они все же мнѣ милѣе. А что армія погибла и война окончена безславно, въ этомъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія съ перваго момента революціи, раньше еще, чѣмъ ее начали разлагать Гучковъ съ Поливановымъ, а затѣмъ „сенаторъ“ Соколовъ подоспѣлъ, ну, а потомъ уже принялись за армію большевики.

Дипломатъ. Я не понимаю такой исключительности вашихъ разсужденій. Да развѣ же не бываетъ республиканской арміи и республиканской доблести? Поглядите на Францію.

Генераль. Ну, это ужъ извините: что для француза здорово, для русскаго смерть. Русское войско держалось двумя силами: желѣзной дисциплиной, безъ которой не можетъ существовать никакая армія, да вѣрой. Пока была власть, законная, авторитетная, была и основа дисциплины. Солдатъ зналъ, что онъ поставленъ предъ неизбѣжностью повиновенія, и онъ съ этой неизбѣжностью покорно, но мудро и кротко мирился. Вотъ почему онъ представлялъ столь первоклассный боевой матеріалъ, для него ничего не было невозможнаго. Но затѣмъ у него была вѣра, которая давала ему возможность воевать не за страхъ, а за совѣсть. Содержаніе же этой солдатской вѣры извѣстно, оно въ трехъ словахъ: за вѣру, царя и отечество. Но всѣ эти три идеи нераздѣльно были для него связаны: вѣра православная, царь православный, земля тоже православная, а не какая-то *patrie* или *Vaterland*.

Общественный дѣятель. А сколько въ арміи было не русскихъ и не православныхъ?

Генераль. Сколько бы ни было, но ядро ея составляли русскіе, православные солдаты. А у другихъ тоже есть своя вѣра, и не въ „землю же и волю“, а въ Бога. Это и все. Накакого тамъ лич-

наго начала, сознательной дисциплины, государственности у нихъ нѣтъ и не было. Потому-то наши чудо-молодцы съ подорванной вѣрой такъ стремительно переродились въ большевиковъ, и армія не стало. Для всѣхъ сдѣлалось ясно, что армія есть тоже духовный организмъ, и русская военная мощь, какъ и русская государственность, связана съ своей энтелехійной формой и основана на вѣрѣ, а не на волѣ народной и разныхъ тамъ измышленіяхъ. Въ этой формѣ нѣтъ и Россіи. Развалилась, рассыпалась! Но и все-таки скажу: пусть подпадетъ лучше временно подъ иноземное иго, которое ее воспитаетъ, нежели гниетъ отъ благополучія при кадетской власти, съ европейскимъ парламентаризмомъ.

Общественный дѣятель. Кажется, для вастнѣмцы, японцы, большевики, даже турки, кто угодно, все-таки лучше кадетовъ: странный психозъ кадетобоязни въ такое время, когда кадеты подвергаются гоненію всяческому.

Генералъ. Да, лучше. Они-то и суть главные развратители Россіи, съ европейской своей лощеностью. Вѣдь большевизмъ нашъ уже потому такъ народень, что онъ и знать не хочетъ этого „правового государства“ обезбоженного. Онъ тоже вѣдь хочетъ православнаго царства, только по социалистическому вѣроисповѣданію. Для насъ святая Русь, народъ православный, а для нихъ социалистическое отечество, социалистическая лже-

теократія. Да и весь лепеть ихъ о пролетарской культурѣ благочестивъ отмѣнно, онъ, вѣдь, о средневѣковой *ancilla theologiae* напоминаетъ, съ угольками св. инквизиціи даже, во славу *ecclesiae socialisticae*. Вообще на гребнѣ большевизма кое-что живое можно увидѣть. Вотъ и ихъ гоненіе на церковь — тоже отъ социалистической ревности въ вѣрѣ; и, право, лучше безбожной „вѣротерпимости“.

Общественный дѣятель. Вы договорились до того, что наглое насиліе и откровенное грабительство изображаете какимъ-то зелотизмомъ, лишь бы очернить ненавистныхъ вамъ кадетовъ. Вы сами этой явной несправедливостью даете сильнѣйшую на себя критику, обличающую ваше собственное фанатическое ослѣпленіе.

Генераль. Но развѣ можете вы отрицать, что революціи нечѣмъ заполнить образовавшуюся пустоту, кромѣ какъ всякими отрицательными свободами, да еще „культурными цѣнностями“ разными? А народъ не любитъ ни свободъ, ни „цѣнностей“ этихъ, онъ отвѣчаетъ на эту проповѣдь насиліями да погромами, безсознательно мстя за то, что у него душу вынули, сокровища его лишили. Вотъ и армія у васъ разложилась и не соберете, какіе оклады ни давайте, какія социалистическія присяги не выдумывайте.

Общественный дѣятель. Разложеніе арміи у насъ явилось слѣдствіемъ ряда ошибокъ, попустительства власти да безсовѣстной демагогіи. Проглядѣли и не досмотрѣли, только и всего!

Генераль. Да, немного не досмотрѣли! Совсѣмъ пустяка! Я вамъ вотъ что скажу. Когда Керенскій расточалъ передъ солдатами свое краснорѣчіе, призывая ихъ сражаться за землю и волю подъ красными знаменами, я боялся за солдатъ: неужели пойдутъ за нимъ, неужели измѣнять вѣковому сознанію народному? Но не выдали русачки, не пошли, остались сѣмячки лущить. А потомъ, когда дошло до дѣла, то и побѣжали, подло, безчестно, предательски. По-русски поступили, а не по французскому образцу. Хоть и гніють мерзавцы, но все-таки русаки. И не возстановится армія, пока не возродится русская государственность. Этого не умѣютъ понять ни кадеты, ни союзническіе дипломаты, все лепечущіе свои уроки о демократіи, какъ не понимаютъ и окадечивающіеся теперь большевики, не даромъ они уже всю Россію подъ подозрѣніе взяли. Нѣтъ, русскій народъ сѣръ, да у него умъ-то не чортъ сѣлъ, хоть и дѣлаетъ онъ теперь глупости и безумія, словно этотъ сумасшедшій Аяксъ Меченосецъ, избивающій стада.

Дипломатъ. Въ этомъ вашемъ максимализмѣ я вижу ничто другое, какъ надежду на реставрацію; впрочемъ, теперь у многихъ это появилось, вслѣдствіе испуга и утомленія. Иные согласны хоть на нѣмецкаго ставленника, лишь бы порядокъ. Но здѣсь уже я становлюсь максималистомъ. Дѣло монархіи безнадежно проиграно въ исторіи, и надо имѣть мужество это признать и сдѣлать

отсюда соотвѣтствующіе выводы. Русская революція наглядно показала, что монархическихъ чувствъ и въ русскомъ народѣ уже нѣтъ. Монархія въ Россіи можетъ явиться только плодомъ иноземнаго вмѣшательства и сразу же утратить свой народный характеръ. Едва ли объ этомъ вы мечтаете. А отсюда слѣдуетъ, что надо искать здоровыхъ формъ народоправства, въ видѣ республиканскаго парламентаризма, который освободитъ насъ изъ тисковъ соціальной тираніи и олигархической диктатуры.

Бѣженецъ. Вѣроятно, вы правы въ своемъ діагнозѣ, по крайней мѣрѣ, въ отрицательной его части. Но не кажется ли вамъ, что и прежняя государственность, какъ система міровыхъ державъ, борющихся за сохраненіе равновѣсія, уже отживаетъ, и прежнія границы государствъ скоро отойдутъ въ область преданія?

Генераль. Вы, можетъ быть, хотите сказать, что границы эти будутъ отмѣнены въ пользу Германіи, которая, дѣйствительно, на востокъ уже не имѣетъ границъ? Впрочемъ, остаются еще Японія съ Китаемъ. Для нихъ теперь приближается историческая очередь: панмонголизмъ! Вѣдь и по Вл. Соловьеву же такъ?

Бѣженецъ. Нѣтъ, я опредѣленно хочу сказать, что вотъ эти старыя государства, ведущія теперь кровопролитную войну, принадлежатъ прошлому, ихъ уже нѣтъ въ планѣ исторіи, а на раз-

валинахъ ихъ или, если хотите, изъ нихъ создается одно государство, совпадающее по площади со всѣмъ культурнымъ міромъ. Впрочемъ, въ этой перспективѣ и для японскаго выступленія съ панмонголизмомъ мѣсто найдется.

Генераль. А Васька слушаетъ да ѣстъ. Вмѣсто этого сомнительнаго утѣшенія лучше-бы хорошую армію. Тогда-бы иной прогнозъ осуществили.

Бѣженецъ. Я вовсе не ищу въ этомъ утѣшеній, но просто такъ вижу. И это чувство явилось у меня съ чрезвычайной яркостью одновременно съ русской революціей. Если чѣмъ-либо и оправдывалось еще существованіе самостоятельной государственности въ исторіи, такъ это именно наличностью православнаго царства, которое не только хранить въ себѣ всѣ заданія священной имперіи, но имѣетъ еще и свой апокалипсисъ; его раскрытіе, впрочемъ, еще впереди, только уже на иныхъ, не на имперіалистическихъ путяхъ. А теперь, если его, дѣйствительно, не стало, то къ чему же эти остальные „державы“? Ὁ χατέχων нынѣ „берется отъ среды“ (ἐκ μέσου γέννηται), по слову апостольскому (2 Θес. 2, 7). Теперь міръ можетъ безпрепятственно стремиться къ послѣднему, окончательному смѣшенію, въ которомъ свою роль сыграетъ и панмонголизмъ.

Дипломатъ. Я могу здѣсь судить только въ порядкѣ эмпирическомъ, но долженъ сознаться,

что нахожу эту мысль довольно правдоподобною. Дѣло въ томъ, что новѣйшіе государственные колоссы связаны въ происхожденіи своемъ съ національнымъ капитализмомъ, соотвѣтствуя опредѣленному его возрасту, который, по многимъ признакамъ, уже миновалъ. Капиталъ давно сталъ интернаціоналенъ, но такимъ-же становится и капитализмъ. Для него государственность уже узы, онъ тоже ищетъ свободнаго „самоопредѣленія“; дальнѣйшая-же милитаризація, которая неизбежно была-бы связана съ системой политическаго равновѣсія, будетъ ни для кого непосильна. Вотъ реальный смыслъ формулы: война до побѣднаго, точнѣе, до естественнаго конца, пока не сгоритъ весь горючій матеріалъ. Если побѣдитъ Германія, она завладѣетъ міромъ вкупѣ съ Японіей, и тогда, вмѣсто полудюжины левіаѳановъ второй величины, явится одинъ двуглавый германо-японскій звѣрь. Если побѣдитъ согласіе, система Соединенныхъ Штатовъ утвердится повсюду. Поэтому и на теперешнее русское положеніе приходится смотрѣть лишь какъ на предварительное, начерно опредѣленное. Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду и перспективу всемірнаго большевизма послѣ войны, который еще разъ смѣшаетъ карты. И недосыгаемой для всѣхъ этихъ грозъ остается только Японія, которая воинственна и по религіи, и по темпераменту, и по интересамъ, и по исключительно выгодному положенію момента. Словомъ, я тоже при-

знаю для Европы, а прежде всего и для Россіи, опасность грозы съ востока. Ну, а ужъ относительно *ѡ хатѣху* російскаго разсуждать не моего ума дѣло. Впрочемъ, нѣчто подобное и Тютчеву грезилось. Мы, реальные политики, сыздавна привыкли переводить *ѡ хатѣху*—міровой жандармъ, каковымъ и была николаевская Россія.

Бѣженецъ. Чѣмъ шире развертываются событія войны, тѣмъ яснѣе намѣчается ихъ фатальный характеръ для судьбы Россіи. Все нужное и спасительное для насъ приходитъ не во-время или вовсе не приходитъ напротивъ, все вредоносное имѣетъ успѣхъ. Словно исполняется какой-то, не раскрывшійся еще до конца планъ или разговоръ. Вѣдь вы только посмотрите: въ разгарѣ міровой войны усиливается вліяніе Распутина, который приводитъ къ революціи—наканунѣ рѣшительнаго наступленія. Далѣе слѣдуетъ опытъ іюньскаго наступленія, смѣняющійся Тарнопольской катастрофой. Корниловская попытка спасти армію срывается, вслѣдствіе ничтожныхъ самолюбіи и мелкихъ интригъ, большевистское возстаніе происходитъ въ то время, когда Россія получаетъ возможность почетнаго выхода изъ войны, и, конечно, эта возможность замѣняется Брестомъ, а большевизмъ торжествуетъ повсюду и съ головой выдаетъ Россію врагу. При этомъ большевикамъ всюду бѣшено везетъ, и заранѣе обречены на неудачу всѣ попытки имъ противодѣйствовать. Конечно, во всемъ этомъ роко-

вомъ сцѣплении обстоятельствъ возможно видѣть и грѣхъ власти, и темноту народа, и даже прямой вражескій планъ. Но я не могу отдѣлаться отъ той мысли, что здѣсь дѣйствуетъ и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россію, осуществляется какой-то мистическій заговоръ, бдитъ своего рода черное провидѣніе: „Нѣкто въ сѣромъ“, кто похитрѣ Вильгельма, теперь воюетъ съ Россіей и ищетъ ее связать и парализовать. Чѣмъ-то она мѣшаетъ тому, кто рвется къ жадному господству надъ міромъ. И развѣ это ни есть небывалое въ исторіи, хотя и отрицательное, черное чудо: паденіе мірового царства, въ сущности, въ нѣсколько часовъ или хотя мѣсяцевъ? Чувствую это давно и неотразимо. . .

Генераль. Если вы про Соловьевскаго антихриста опять вспомнили, то боюсь, что нечего ему дѣлать у насъ, антихристу-то приличному, не съ кѣмъ дѣла имѣть, до того испохабилась Россія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ церковныхъ кругахъ, въ монастыряхъ иныхъ, поговариваютъ о приближеніи антихристова царства, книжки объ этомъ почитываютъ, пророчества разныя передаются. Но слишкомъ очевидны психологическіе источники этихъ настроеній, и, затѣмъ, столько это разъ уже повторялось. Во всякомъ случаѣ, и съ антихристомъ вѣдь воевать можно, вотъ только армію нужно для этого особую. . .

Дипломатъ. Ну, я въ мистической дипломатіи смыслю мало, да и по-ньютоновски: hypotheses поп

finjo, не люблю фантазировать. Знаю твердо только одно, что Россіи надо во что бы то ни стало установить у себя правовой порядокъ, упрочить здоровую государственность и справиться, наконецъ, съ хаотической распыленностью. Нужно ввести жизнь въ ограниченные берега. *Римское право*—вотъ чего намъ не привила наша исторія. А внѣ правового пути насъ ждетъ политическая, а вмѣстѣ и культурная смерть. Это ясно, какъ $2 \times 2 = 4$, безъ всякаго мистическаго тумана.

Генераль. А для меня ясно, что именно подобныя сужденія какъ разъ и сотканы изъ тумана ученыхъ отвлеченностей. „Правовой строй“ да „правовое государство“ — на эту удочку народъ нашъ не подцѣпишь. Ему нужна личная, конкретная государственность, связанная съ его душой. Вотъ, когда освободится эта душа отъ революціоннаго дурмана, тогда она изнутри, актомъ творчества все-народнаго возродить и утраченную власть, тогда возстанетъ сама собой и Россія. Все же прочее лишь палліативы, чтобы кое-какъ „прочее время живота“ протянуть.

Дипломатъ. Понимаю, на что вы мѣтите. Только этому не бывать: время, къ счастью, необратимо. Впрочемъ, для любителей „монархической государственности“, надо думать, нѣчто изготавливается за кулисами, но только иностранной марки: made in Germany.

Генераль. Этого-то я больше всего и боюсь: еще новый подмѣнъ въ нашъ вѣкъ всяческихъ подмѣновъ. То, чего я хочу, можетъ совершиться лишь всенароднымъ воскресеніемъ, которое сейчасъ представляется прямо чудомъ. Только чудо и можетъ насъ спасти.

Діалогъ третій.

Общественный дѣятель. Да съ нами и совершилось уже одно чудо — гибель Россіи. Развѣ не чудесной кажется вся эта катастрофа? Это національное самоубійство? Тамъ, гдѣ высился грандіозный храмъ, вдругъ оказалась лишь зловонная, липкая, гнойная грязь. Можетъ быть, въ рукахъ нѣмецкаго хозяина она и обратится въ Dönger для произрастанія разныхъ злаковъ, да намъ-то что? Наша вѣра умерла и поругана, нѣтъ болѣе русскаго народа. Видѣла ли исторія такое оподленіе цѣлаго народа? Не могу я желать для него ни счастья, ни удачи ни даже простого благополучія. Нѣтъ, да пошлетъ намъ справедливый рокъ „трусъ, гладъ, потопъ, междоусобную брань и нашествіе иноплеменниковъ“; да это все и послано уже. Пусть злодѣи и убійцы получаютъ должное возмездіе. Ненавижу я ихъ всѣми силами души и плюю имъ во всю ихъ наглую, мерзкую социалистическую харю. . . Если удастся наскрести какія-нибудь средства, мечтаю уѣхать въ Канаду. Тамъ, можетъ быть, начнется новая Россія, а здѣсь все загублено и опоганено.

Дипломатъ. Я уже сказалъ, что считаю это глубокой, возмутительной неправдой. Сначала въ ноги бухаютъ, потомъ же сѣкутъ, какъ дикари, своего божка, а сами все-таки не могутъ обойтись безъ игрушекъ. Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоносцу. А когда народъ пересталъ бояться барина, да тряхнулъ во всю, вспомнилъ свои пугачевскія были, — вѣдь память народная не такъ коротка, какъ барская, — тутъ и началось разочарованіе. Конечно, народъ нашъ темень и дикъ, это всѣмъ извѣстно. Возьмите статистику грамотности или преступности, что она говоритъ? Воспитаніе свое онъ проходилъ въ виттевскихъ университетахъ, казенкахъ этихъ подлыхъ, да въ курныхъ избахъ или фабричныхъ клоповникахъ. Чего же вы хотите? И въ предъявляемомъ вами историческомъ счетѣ я вижу, прежде всего, несправедливость. Онъ долженъ быть обращенъ къ культурному классу, не исполнившему своей просвѣтительной миссіи.

Общественный дѣятель. Да, для васъ, какъ и многихъ, вопросъ исчерпывается количествомъ школъ да годовымъ потребленіемъ мыла. Но есть вѣдь душа народная, осязательно ощутимая въ русской исторіи, русскомъ творествѣ. Вѣдь не мы же это измыслили. Вотъ и спрашиваешь себя теперь: неужели же *этотъ* самый народъ породилъ преп. Серафима и Пушкина, Ушакова и А. Иванова, Тютчева и Достоевскаго, Бухарова и Вл. Соловьева, Гоголя и Толстого?

Генераль. Ужъ Толстого-то вы лучше и не поминайте. Если былъ въ Россіи роковой для нея человѣкъ, который огромное свое дарованіе посвятилъ дѣлу разрушенія Россіи, такъ этотъ старый нигилистъ, духовный предтеча большевиковъ теперешнихъ. Вотъ кто у насъ интернаціональ-то насаждалъ. Думать о немъ не могу спокойно.

Дипломатъ. Можете и не думать, но произносить хулы надъ тѣмъ, въ комъ русская совѣсть жила, тоже не годится. Вѣдь именно Толстой всегда говорилъ о войнѣ то, что теперь становится и для всѣхъ ясно, и никогда не мирволил иллюзіямъ относительно возвышенности войны. Правда, народушкѣ и онъ поклонялся, онъ былъ все-таки баринъ, — но мессіанизмовъ для него не сочинялъ. А вотъ Достоевскій — тотъ былъ, дѣйствительно, роковой для Россіи человѣкъ. Намъ до сихъ поръ еще приходится продираться черезъ туманъ, напущенный Достоевскимъ, это онъ богоносца-то сочинилъ. А теперь вдругъ оказывается, что для этого народа ничего нѣтъ святого, кромѣ брюха. Да онъ и правъ, по своему: голодъ—не тетка. Вѣдь и мы, когда насъ на четверки хлѣба посадили, стали куда менѣе возвышенны.

Общественный дѣятель. Вотъ я все и спрашиваю себя: пусть бы народъ нашъ оказался теперь богоборцемъ, мятежникомъ противъ святынь, это было бы лишь отрицательнымъ самосвидѣтель-

ствомъ его религіознаго духа. Но вѣдь чаще-то всего онъ себя ведетъ просто, какъ хамъ и скотъ, которому вовсе нѣтъ дѣла до вѣры. Какъ будто, и бѣсовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ, нечего съ нимъ дѣлать имъ. Отъ бѣсноватости можно исцѣлиться, но не отъ скотства. Это у меня навязчивая идея. Ночью иногда просыпаюсь въ холодномъ поту и повторяю въ ужасѣ: не богоборецъ, а скотъ, скотъ, скотъ... Посмотрите на эту хронику ограблений и оскверненій храмовъ, монастырей—вѣдь, это же массы народныя совершаютъ, а не единицы. Посмотрите, какое равнодушіе къ отмѣнѣ Закона Божія въ школахъ, какая пассивность ко всему этому инородческому засилію—вѣдь, все тотъ же индифферентизмъ въ этомъ сказывается.

Генераль. Инородческому отравленію надо многое приписать въ современной русской жизни, которая вся протекаетъ теперь подъ знакомъ псевдонимности. Не даромъ ее поспѣшили даже декретировать. Стремятся отдѣлиться отъ самихъ себя, отъ всякой органической связи. Изъ людей превращаются въ актеровъ, избирающихъ себѣ фамиліи по удобству. Впрочемъ, въ наше время псевдонимы вообще относятся къ *rudenda*, прикосновеніе къ коимъ возбраняется.

Дипломатъ. Ну и договорились. Ужъ, вѣрно, всегда такъ бываетъ: поскоблите русскаго консерватора и откроете жиждѣ. Да и Достоевскій не

безъ того былъ, въ противоположность Толстому, разумѣется. Я же, съ своей стороны, полагаю, что жалобы на инородческое засилье есть только демонстрація собственнаго безсилія. Да и, кромѣ того, спрошу васъ: чѣмъ же отличается теперь вашъ „народъ-богоносецъ“, за дурное поведеніе разжалованный въ своемъ чинѣ, отъ того древняго „народа жестоковѣйшаго“, который, вѣдь, тоже не особенно былъ твердъ въ своихъ путяхъ „богоносца“? Почитайте у пророковъ и убѣдитесь, какъ и тамъ повторяются—ну, конечно, пламениѣе и вдохновеннѣе—тѣ самыя обличенія, которыя произносятся теперь надъ русскимъ народомъ.

Бѣженецъ. Сближеніе это отнюдь не исчерпывается одной только „жестоковѣйностью“. Вообще, есть какое-то загадочное и совершенно удивительное тяготѣніе еврейства къ русской душѣ. Это, по своему, чувствовалъ Вл. Соловьевъ, даже и Достоевскій, теперь В. Розановъ. Эта *Wahlverwandtschaft* есть очень интимная, но и очень значительная черта.

Генераль. Просто-напросто мы стали теперь инородцами относительно самихъ себя, потеряли свое лицо вмѣстѣ съ чувствомъ достоинства.

Общественный дѣятель. Вотъ это-то и приводитъ меня въ отчаяніе: вѣдь, всѣ инородцы имѣютъ національное самосознаніе. Они самоопредѣляются, добываютъ себѣ автономіи, нерѣдко выду-

мываютъ себя во имя самостійности, только за себя всегда крѣпко стоятъ. А у насъ вѣдь нѣтъ ничего: ни родины, ни патріотизма, ни чувства самосохраненія даже. Живутъ воспоминаніями былого величія, когда великодержавность русскаго народа еще охранялъ полицейскій,—какъ та барыня, которая и послѣ паденія крѣпостного права все продолжала чувствовать себя рабовладѣлицей. И выходитъ, что Россія сразу куда-то ушла, скрылась въ четвертое измѣреніе, и остались однѣ провинціальныя народности, а русскій народъ представляетъ лишь питательную массу для разныхъ паразитовъ.

Бѣженецъ. Простите, но я въ этомъ отсутствіи самага вкуса къ провинціализму, въ неумѣиіи и нежеланіи устраиваться своимъ маленькимъ міркомъ, какою-нибудь тамъ самостійностью, вижу все-таки печать величія нашего народа и его духовнаго превосходства, по крайней мѣрѣ, въ призваніи: единственный въ мірѣ народъ вселенскаго сознанія, чуждый націонализма. Это даже и чрезъ уродливости интернационализма теперешняго брезжить. И вообще, въ этомъ залогъ великаго будущаго, а все великое—и трудно, и даже опасно. Но за эту черту можно и дорогой цѣной заплатить.

Дипломатъ. Все тѣ-же славянофильскія иллюзіи. Просто народъ нашъ до патріотизма и націонализма еще не доросъ, онъ знаетъ только свою

избу да деревню. И эти славянофильско-интернациональныя сказки, которымъ обучились теперь и большевики, говорятъ только о нашей политической и культурной отсталости. Да вѣдь и на самомъ дѣлѣ, онѣ же культурнѣе насъ, эти самоопредѣляющіяся народности. Вамъ извѣстны, вѣроятно, примѣры, какъ даже татары охраняли наши храмы отъ большевиковъ. А такихъ звѣрствъ, которыми они себя запятнали, не совершила ни одна народность. Нѣтъ, надо намъ смириться и просто признать, что при данномъ состояніи мы оказались ниже всѣхъ народовъ и востока, и запада. Побѣждены мы также потому, что противники наши не только просвѣщеннѣе, культурнѣе, но и честнѣе, религіознѣе. Было-бы непостижимымъ поправіемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, если-бы deutsche Treue оказалась побѣждена русской невѣрностью. И если намъ предстоитъ испить горькую чашу нѣмецкой оккупации, то мы должны научиться изъ этой школы всяческой самодисциплинѣ и особенно трудовой. Вѣдь, надо же сказать правду, что работать мы не любимъ и не умѣемъ, сверху и донизу. Вообще, ближе всего къ истинѣ по вопросу о русскомъ народѣ стоялъ все-таки Чаадаевъ, имѣвшій смѣлость признать всю нашу нищету и убожество сравнительно съ народами запада. Впрочемъ, даже и у него приходится отвлекаться отъ славянофильства навыворотъ, вполсѣдствіи перешедшаго и въ прямое. Но въ неподкупной прав-

дивости національнаго самоанализа онъ былъ поистинѣ великъ.

Генераль. Вѣдь, вотъ бѣда-то: вмѣстѣ съ революціей не только наше государство куда-то исчезло, но и народа русскаго словно не стало, будто и онъ разложился на свои элементы. Онъ представляетъ собой этнографическій сплавъ и притомъ невысокаго качества элементовъ. „Гдѣ мера намѣрила, чуждъ начудила“! Небольшіе мы аристократы крови, достаточно на носы или на профили посмотрѣть. Такъ вотъ этотъ сплавъ словно разложился теперь, и получился пандемоніумъ этнографическій. Какъ будто по русской равнинѣ попрежнему гуляютъ и финскія, и монгольскія племена и чинятъ свой кровавый шабашъ. Интересно было бы на успѣхи большевизма при свѣтѣ этнографіи взглянуть. . .

Писатель. Слушаю я васъ, слушаю и не нахожу словъ отъ негодованія на все это самооплеваніе. Если когда-либо нужно намъ объявить войну малодушію, унынью, всяческому предательству и невѣрности, такъ это именно теперь, когда народъ нашъ самъ себѣ не вѣренъ и переживаетъ опасный кризисъ. Только любовь дерзающая и вѣрующая можетъ быть и спасающей, а ея-то я не вижу въ вашихъ словахъ. Что же, на самомъ дѣлѣ, вы узнали теперь о русскомъ народѣ принципиально новаго, чего не зналъ въ немъ, наприм., Достоевскій, котораго вы позволяете себѣ судить столь свысока? Не

зналъ онъ, что ли, звѣринаго образа, злодѣя и ко-
шунника въ русскомъ народѣ? Зналъ отлично, но
онъ ему не вѣрилъ, потому что созерцалъ иную
реальность.

Общественный дѣятель. Позвольте мнѣ васъ
прямо спросить, мнѣ самому это очень важно и му-
чительно: рѣшитесь ли вы сейчасъ, послѣ всего пе-
режитаго за революцію, повторить и клятвенно под-
твердить, ну, хотя бы такія слова Достоевскаго :
„пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но въ
своемъ цѣломъ онъ никогда не принимаетъ, не при-
метъ и не захочетъ принять своего грѣха за прав-
ду“, ибо „идеаль народа — Христось“?

Писатель. Присягать я здѣсь, разумѣется, не
буду, но отвѣчу вамъ безъ всякаго лукавства и ук-
лончивости. Вѣрую и исповѣдую, какъ и раньше,
что идеаль у народа Христось, иного у него нѣтъ.
И когда, по грѣхамъ и слабости своей, онъ объ
этомъ забываетъ, то сразу оказывается звѣремъ,
сидящимъ во тьмѣ сѣни смертной. Но тогда онъ
даже тоской своей неутолимой свидѣтельствуетъ о
томъ же, а мѣщанской этой благопристойности и
аккуратности все-таки не принимаетъ. Совсѣмъ ужъ
зачернили народъ нашъ; спасибо, хоть иные поэты
вступились за его душу — вотъ, Блоку спасибо...
Борьба въ душѣ народа идетъ теперь страшная и для
него, конечно, въ высшей степени опасная. Можетъ и
погибнуть духовно, но пока этого не совершилось,—

а все же не совершилось!—я рыцарской клятвой остаюсь связанъ ему на вѣрность. И помощи, Господи, моему маловѣрію, вѣдь и я же не чурбанъ какой-нибудь, переживаю происходящее-то, и мнѣ трудно иногда приходится. Но вѣрую, какъ и прежде, что черезъ русскій народъ придетъ спасеніе міру, что ему предложитъ не только великое будущее, но и рѣшающее слово въ судьбахъ міра. Вѣрую и въ святую, богоносную русскую землю, хотя и поруганную и оскверненную братской кровью, но хранящую святыни русскія. Растерзано русское царство, но не разодранъ его нетканый хитонъ.

Общественный дѣятель. Легко это сказать-но, вѣдь, противъ этого вопіетъ вся дѣйствительность, свидѣлствуетъ тотъ мракъ и ужасъ, въ которомъ мы живемъ.

Писатель. Я съ этимъ не согласенъ. Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче. Вы не спорите, вѣдь, о томъ, сколько великодушія, самоотверженія, доблести явила Русь во время войны, но является она ихъ также и теперь, при этомъ царствѣ тьмы, когда вообще такъ непомѣрно трудна стала жизнь. Вообще, весь этотъ пессимизмъ теперешній есть порожденіе растерянности и малодушія, есть измѣна. Когда мы измѣняемъ народу хотя только въ сердцахъ своихъ, мы причиняемъ ему совершенно реальный ущербъ. Вѣдь, помимо внѣшней, есть и внутренняя связь вещей, это вамъ всякій мистикъ

и оккультисть подтвердить. Мы должны теперь выдержать борьбу за душу народную прежде всего въ сердцахъ своихъ, въ тайникахъ своего духа не соблазниться о немъ. Вѣдь, если бы въ эпоху Батыя или въ Смутное время тогдашняя соль земли русской обуяла, и отчаялись бы ея духовные вожди, — а вѣдь не меньшія были для этого основанія, — исторія заклеила бы ихъ, какъ малодушныхъ. Россія на ужасы татарскаго ига отвѣтила солнечнымъ явленіемъ преп. Сергія и всей этой сергіевской эпохой русской культуры, а въ отвѣтъ на Смутное время явилась петровская Россія со всею нашей новою культурой. Сейчасъ кажется инымъ, что ужъ и связи нѣтъ между Пушкинымъ и какимъ-нибудь грязнымъ большевикомъ, а вотъ самъ нашъ мудрый и благостный Пушкинъ умѣлъ до дна постигнуть природу русской души, даже и большевизма, для него ничто не было скрыто въ русской стихіи; недаромъ же онъ свой орлиный взоръ на пугачевщину устремилъ, на „русскій бунтъ, безсмысленный и беспощадный“. И не только не соблазнился этимъ, но сталъ еще народнѣй, чѣмъ былъ. Такъ неужели хотите вы оторвать розу отъ побѣга, плодъ отъ дерева? Не понимаете, что между большевикомъ и Пушкинымъ больше таинственной, ирраціональной, органической связи, нежели между нимъ и чаадаевствующими нынѣ отъ растерянности или цивилизованнымъ нѣмцемъ, грабящимъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства? Большевикомъ

можетъ оказаться и Дмитрій Карамазовъ, изъ котораго, если покается, выйдетъ въ послѣдствіи старецъ Зосима.

Дипломать. Ну, здѣсь мы опять попали на привычнаго конька: умомъ Россіи не понять и пр.,— обычное *asylum impotentiae*. Но вотъ, одно мудрое изреченіе говоритъ, что побѣдителей не судятъ, другое же прибавляетъ: горе побѣжденнымъ. А печальная дѣйствительность свидѣлствуетъ, что въ народѣ Пушкина всегда изобиловали переметы; вотъ, и теперь: одни перекрашиваются въ социализмъ—отъ буржуазнаго испуга, конечно,—а другіе все стремительнѣе погружаются въ нѣмецкую оріентацію.

Свѣтскій богословъ. Вотъ, еще по поводу русскаго духа я хотѣлъ указать: не задумывались ли вы, каксе ужасное значеніе должна имѣть для него привычка къ матерной ругани, которою искони смердѣла русская земля? Притомъ съ какой артистической изощренностью, можно прямо цѣлый сборникъ изъ народнаго творчества объ этомъ составить! И безсильны противъ этого оказывались и церковь, и школа. Съ дѣтьми и женщинами тяжело ходить въ провинціальныхъ городахъ нашихъ. Кажется, сама мать-земля изнемогаетъ отъ этого гнуснаго непрестаннаго поруганія. Мнѣ часто думается теперь, что если ужъ искать корней революціи въ прошломъ, то вотъ они налицо: боль-

шевизмъ родился изъ матерной ругани; да онъ, въ сущности, и есть поруганіе материнства всяческаго: и въ церковномъ, и въ историческомъ отношеніи. Надо считаться съ силою слова, мистическою и даже заклинительною. И жутко думать, какая темная туча нависла надъ Россіей,—вотъ она, смердяковщина-то народная!

Писатель. Конечно, вы совершенно правы. Повидимому, даже Достоевскій не дооцѣнивалъ этого явленія во всей его значительности и жуткости. Я въ дѣтствѣ росъ на улицѣ и знаю, какой этикетъ по этой части царилъ среди уличныхъ мальчишекъ, какой виртуозности достигали, какого разнообразія комбинацій ругательныхъ. Сами не понимали, что говорили, но хорошій тонъ требовалъ припечатать каждую фразу. Теперь-же, во время революціи, порнографическое „имяславіе“ это дошло до предѣла,—прямо хульное неистовство какое-то... И, однако, если только мы захотимъ осмыслить это поруганіе материнства, то здѣсь мы должны видѣть какъ-бы мистическій негативъ, которому соотвѣтствуетъ и свой позитивъ: особое почитаніе матери-земли, а затѣмъ и Богоматери, присущее русскому народу, элевзинское посвященіе въ таинства Деметры. Гдѣ умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ и благодать.

Дипломатъ. Такъ что и склонность къ смрадной ругани оказалась признакомъ высокаго мисти-

ческаго чина... А я ужъ думалъ, что мы хоть въ этомъ-то единогласно признаемъ чистую гнусность безъ всякаго позитива.

Генераль. Да вотъ еще царевъ кабакъ, казенка проклятая. Какой ужасный человѣкъ въ нашей исторіи былъ этотъ Витте: вѣдь онъ намъ капитализмъ насадилъ, пролетаріатъ этотъ возрастилъ для опаиванія революціонной сивухой и по всей Руси казенокъ настроилъ. Эго былъ настоящій заговоръ противъ народной души, который теперь сполна раскрылся.

Дипломатъ. Все ищите козла отпущенія, вмѣсто того, чтобы прямо и честно признать, что предметъ вашего поклоненія не заслужилъ сейчасъ ничего лучшаго, какъ нѣмецкаго фельдфебеля. Можетъ быть, пройдя черезъ эту суровую школу, онъ и научится достойному существованію,—однако, если не будетъ при этомъ растворенъ и поглощенъ. Впрочемъ, теперь физическаго истребленія опасаться можно не отъ нѣмцевъ, а отъ согражданъ социалистическаго отечества; въ нѣмцахъ мы принуждены видѣть спасителей—да, вѣдь, что же грѣхъ таить: таковыми они и являлись не разъ; благодаря имъ, оставались неисполненными самые адскіе планы. Вотъ наша трагедія: отъ русской опасности приходится искать спасенія у врага. Знаете ли вы подобныя же положенія въ исторіи другихъ народовъ?

Писатель. Вотъ этого-то спасенія—при ежовыхъ

рукавицахъ, конечно—я больше всего и боюсь отъ германскаго ига. Слишкомъ мы студенисты, до слизнячества. Притомъ, не будемъ забывать, что романъ между русской душой и германствомъ сыздавна ведется. Развѣ, на самомъ дѣлѣ, союзные намъ теперь народы значили для насъ хотя приблизительно то, что Германія,—и притомъ не старая, которую я всегда любилъ и чтить сердцемъ, а новѣйшая? Вѣдь, вспомните только, какой тучей валило на насъ германство передъ войной: и кантіанство это разныхъ сортовъ, и штейнеріанство, наконецъ, и весь коранъ этотъ социаль-демократическій, да и мало ли еще что. Вѣдь и теперь многіе изъ насъ тоскуютъ и мечтаютъ о нѣмецкой книгѣ или журналѣ. Тѣмъ то и опасно для насъ сближеніе съ Германіей, что она имѣетъ такой широкій доступъ къ русской душѣ.

Дипломатъ. Ваше исповѣданіе вѣры не должно бы оставлять мѣста для этого страха. А русскому обществу дѣлаетъ скорѣе честь этотъ вкусъ къ германской культурѣ, потому что какая же другая, на самомъ дѣлѣ, можетъ теперь съ нею состязаться? Надо быть справедливымъ къ врагу, хотя и побѣдителю: настолько идетъ и моя германская оріентація. Да и вообще, для насъ нѣтъ грознѣе врага внутренняго, нашего собственнаго социалистическаго варварства.

Бѣженецъ. Да, это вѣрно все, что здѣсь говорилось и о грѣхахъ народа, и объ его паденіи. Только

не кажется ли вамъ все-таки, что всѣ эти объясненія недостаточны, что это сгущеніе зла въ Россіи, весь этотъ шабашъ бѣсовскій, имѣетъ въ себѣ и нѣчто сверхъестественное? Однимъ словомъ, если говорить до конца, то я просто хочу сказать, что давно уже готовлялся, а теперь и развернулся во всю ширь какой-то мистическій заговоръ противъ Россіи, словно за русскую душу борются рати духовныя, желая отнять у нея вѣреннѣйшій ей даръ.

Дипломатъ. Могу только повторить: hypotheses поп fingo, а тѣмъ болѣе ничего не объясняющихъ. Да и вообще, довольно съ насъ этого мистическаго заговариванія зубовъ.

Бѣженецъ. Но если я это чувствую съ такой же ясностью, какъ вы ходы своей дипломатіи? Вы посмотрите только, какіе агенты напущены были на Россію: германство съ его удушливыми газами, революція съ душой Азефа, наконецъ, Распутинъ, — все, вѣдь, это силы, и, по своему, подлинныя. И всѣ онѣ стремятся засыпать родники воды живой, совершить духовный подмѣнъ. Вообще, происходитъ явная духовная провокація. А ужъ это ясно безъ словъ, кому пролагается теперь дорога въ міръ, для чего устраняется въ разныхъ видахъ *о хатѣхон*. Насчетъ же провокаціи я приведу вамъ одинъ примѣръ, — маленькій, но показательный. Вы, можетъ быть, читали поэму А. Блока „Двѣнадцать“? Вещь пронзительная; кажется, единственно значительная

изъ всего, что появлялось въ области поэзіи за революцію. Такъ вотъ, если оно о большевикахъ, то великолѣпно; а если о большевизмѣ, то жутко до послѣдней степени. Вѣдь, тамъ эти 12 большевиковъ, растерзанные и голые душевно, въ крови, „безъ креста“, въ другіе двѣнадцать превращаются. Знаете, кто ихъ ведетъ?

Нѣжной поступью надвѣющей,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ
Впереди — Иисусъ Христосъ.

Генераль. Ну и хватилъ! Вообще, отличаются теперь наши поэты и художники, совсѣмъ въ придворныхъ пѣнъ превратились, которые стараются получше угодить новому хозяину. Никакого вопроса же я здѣсь не вижу. Просто привралъ для краснаго словца: viel lügen die Dichter. Вѣдь это про нихъ Ницше припомнилъ словцо Гезіодовское. Страшное кощунство, свидѣтельствующее о босячествѣ духовномъ!

Бѣженецъ. Не такъ это просто. Высокая художественность поэмы до извѣстной степени ручается и за ея прозорливость. Можетъ быть, и впрямь есть въ большевизмѣ такая глубина и тайна, которой мы до сихъ поръ не умѣли понять? Но дальше спросилъ я себя: насколько же, вообще, простирается ясновидѣніе вѣшаго поэта? Есть ли онъ тайнозритель, который силою поэгическаго взлета способенъ увидѣть грядущаго Господа? И доволь-

но было лишь поставить этотъ вопросъ, какъ пелена спала съ глазъ, и я сразу понялъ, что меня такъ волновало и тревожило въ стихотвореніи, какъ нѣчто подлинное, но вмѣстѣ и страшное. Поэтъ здѣсь не солгалъ, онъ *видѣлъ*, какъ видѣлъ и раньше—сначала Прекрасную Даму, потомъ оказавшуюся Снѣжной Маской, Незнакомкой—вообще, совершенно двусмысленнымъ и даже темнымъ существомъ, около котораго загорѣлся „неяркій пурпуровосѣрый кругъ“. И теперь онъ кого-то видѣлъ, только, конечно, не Того, Кого онъ называлъ, но обезьяну, самозванца, который во всемъ старается походить на оригиналъ, и отличается какой-нибудь одной буквой въ имени, какъ у гоголевской панночки есть внутри лишь одно темное пятно. И замѣтьте, что это явленіе „снѣжнаго Иисуса“ не радуетъ, а пугаетъ. На этотъ счетъ еще Вл. Соловьевъ писалъ одной своей мистической корреспонденткѣ, что, если „извѣстное явленіе не производитъ непосредственно никакого движенія духовныхъ чувствъ“ и „впечатлѣніе остается, такъ сказать, головнымъ, а не сердечнымъ“, то „это очень важный признакъ, давно замѣченный церковными специалистами по этой части“. Специалисты же прямо объ этомъ говорятъ, что къ извѣстному явленію слѣдуетъ относиться, такъ сказать, съ методологическимъ недоувѣріемъ, потому что нерѣдко послѣ крестнаго знаменія или молитвы въ немъ обнаруживается вдругъ пѣтушья нога. Поэтическая въ-

шесть сослужила здѣсь плохую службу, но само это приключеніе въ высшей степени показательно для той духовной провокаціи, которою мы окружены.

Писатель. Зато ужъ революціонные Чичиковы хлопчутъ, чтобы сбывать мертвыя души, да подѣ шумокъ и Елизавету Воробья за мужчину спустить. Довелось мнѣ прочесть такое разсужденіе, гдѣ 12 большевиковъ прямехонько въ 12 апостоловъ превращаются, они-то-же настоящее христіанство и покажутъ, а вотъ то было неудавшееся. Да, покажутъ, только снѣжное, съ ледянымъ сердцемъ и холодной душой. Для меня вообще перетряхиванье этого старья на тему о сближеніи христіанства и социализма давно уже потеряло всякій вкусъ.

Діалогъ четвертый.

„Интеллигенція погубить Россію“.

Изъ Влхъ.

Генераль. А мнѣ, признаться, дико даже слушать всякія эти разсужденія о духовномъ смыслѣ социализма, потому что никакого духовнаго содержанія я въ немъ не признаю. Во всей буржуазно-капиталистической цивилизаціи самая буржуазная вершина—это социалистическое вѣроисповѣданіе господъ социаль-буржуевъ, открыто провозглашающихъ единственнымъ началомъ жизни—брюхо. Социализмъ есть глубочайшее духовное паденіе и убожество, это—ядъ буржуазнаго строя, вошедшій вовнутрь, отравившій душу. „Классовый интересъ“, жадность и злоба, какъ единственный рычагъ человѣческихъ отношеній, — да это хуже каннибализма.

Общественный дѣятель. Но развѣ можно отрицать въ настоящемъ, европейскомъ социализмѣ великое исканіе правды, предчувствія новой жизни, священный гнѣвъ? Все это, кажется, такъ очевидно, что не нуждается въ доказательствахъ. Вѣдь это у насъ только все такъ извращено и опоганено.

Генераль. Да, показали себя теперь господа социалисты около казенного пирога, отлично знаемъ, что означаетъ „классовая мораль“. Единственное утѣшеніе во всей этой мерзости въ томъ, что маски сорваны и ложь обличена. Нужно быть илиотомъ или мертвецомъ духовнымъ, чтобы старовѣрчески твердить зады и умиляться при мысли о томъ, какъ добрый русскій народъ вступилъ въ приуготованный ему социалистическій рай. Хорошо, что этотъ народъ взялъ въ свои руки социалистическую дубину, да и хватилъ нашихъ Маниловыхъ по безмозглымъ башкамъ.

Писатель. Да, социализмъ, рѣшительно, есть какая-то бредовая, навязчивая идея у русской интеллигенціи. И посмотрите даже теперь: при всей растерянности, ошеломленности всѣ эти фракціи все-таки лепечутъ о социализмѣ, ведутъ междудракціонную грызню и искренно думаютъ, что вся бѣда лишь въ томъ, что власть попала не къ нимъ, а къ другимъ: вотъ они бы устроили все согласно программѣ своей партіи, и социалистическій рай незамедлительно бы наступилъ. Объ этомъ ихъ газеты пишутъ, ихъ профессора и литераторы лекціи читаютъ. Право, такую глупостью и самодовольствомъ вѣдетъ отъ всей этой неподвижности бездарной. Они не замѣчаютъ, что социализмъ ихъ идейно разбился вдребезги и провалился окончательно, и эти споры ихъ отстали отъ жизни гораздо болѣе, нежели состязанія о томъ, ходить

ли посолонь или обсолонь, двоить или троить аллилуію.

Свѣтскій богословъ. Сравненія этого не принимаю, потому что вопросы старообрядчества, особенно же вами упомянутые, полны глубокаго значенія и смысла и теперъ; а вотъ идейный интересъ къ социализму въ настоящее время, и на мой взглядъ, можетъ питаться лишь тупоуміемъ. Я только хочу въ защиту русскаго народа отъ взводимыхъ на него огульно обвиненій сказать два слова. Ему, дѣйствительно, выпала на долю печальная роль обличенія социализма, какъ ни мало походить все-россійское хамство на социализмъ. Но вѣдь не нужно забывать, что онъ подвергся и острому отравленію отъ этого европейскаго изобрѣтенія, отъ ядовитѣйшаго изъ германскихъ удушливыхъ газовъ. Нашему дѣвственному народу былъ въ лошадиной дозѣ впрыснуть въ кровь ядъ социализма. Неудивительно, что онъ впалъ отъ него въ такое бѣшенство, что требуется смиренная рубашка . . .

Дипломатъ. Ваше объясненіе благопріятно для русскаго народа, но не совсѣмъ справедливо. Почему же культурный социализмъ, въ который до извѣстной степени закономѣрно вращается капиталистическое хозяйство, можетъ отвѣчать за нашу татарщину? Вѣдь, социализмъ въ нашемъ російскомъ, большевистскомъ переводѣ означаетъ: ребяты, громи, грабь, рѣжь. Европейскій социализмъ

ничего общаго все-таки не имѣтъ съ этою бѣлой горячкой.

Свѣтскій богословъ. А я говорю, что нашъ народъ боленъ и находится въ состояніи остраго отравленія. Онъ, конечно, мало цивилизованъ и даже дикъ, но доселѣ вѣковая мудрость народная и ученіе церковное ему внѣдряли, что дикость есть грѣхъ, и когда онъ пугачествовалъ, то зналъ, что идетъ на черное дѣло. А здѣсь, вѣдь, ему внушили, что онъ дѣлаетъ самое настоящее дѣло, что онъ правъ, грабя и душегубствуя. Ему дали новую заповѣдь: будь звѣрь, не имѣй ни совѣсти, ни чести, только голосуй за такой-то „номеръ“.

Генераль. Да, опоили народъ нашъ сивухой: Витте—водочной, а баре—соціалистической. Проклятая русская интеллигенція! Сначала одурила свою собственную голову, а потомъ отравила и развратила весь народъ. И вѣдь, посмотрите, какое самодовольство, самовлюбленность, напыщенность какая, даже и теперь, когда уже совершенно провалилась съ трескомъ. Какъ же можетъ устоять государство, если у него отравлена вся нервная система? Соль земли! гонимая, идейная, мученическая интеллигенція! Да это проказа, чума на тѣлѣ Россіи!

Дипломатъ. Сильно сказано, но не безпристрастно. Вѣдь несомнѣнно, что въ интеллигенціи вы имѣете главнаго и непримиримаго врага для вашихъ политическихъ утопій.

Свѣтскій богословъ. Нѣтъ, и на самомъ дѣлѣ— для русской интеллигенціи этотъ социалистическій бредъ есть нѣчто роковое, быть можетъ, въ такой же мѣрѣ, въ какой для еврейства его мессіаниззмъ. И тамъ были zeloty, мессіанскіе социаль-революціонеры, устраивавшіе большевистскіе эксперименты въ Іерусалимѣ во время осады войсками Тита. И, вѣдь, нужно только подумать, что уже съ самаго начала это повелось у насъ, — съ Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго и до нашихъ дней! И все, что не укладывалось въ это социалистическое русло, отлучалось отъ церкви, отmetalось, причемъ среди этихъ отлученныхъ оказались носители русскаго генія, творцы нашей культуры. Напротивъ, въ интеллигентскомъ лагерѣ мало было дарованій выше средняго или талантовъ, а, въ общемъ, царила сѣрая посредственность. Что это: барская мечтательность и сантиментальность? Однако, интеллигенція переполнена разночинцами, третьимъ-то элементомъ пресловутымъ, который, какъ разъ, и составляетъ собой ихнюю какъ бы гвардію. Нѣтъ, все дѣло здѣсь въ религіозномъ самосознаніи интеллигенціи, въ ея безбожіи и нигилизмѣ.

Генераль. Да, проклятая интеллигенція теперь отравила весь народъ своимъ нигилизмомъ и погубила Россію. Именно она погубила Россію, надо это, наконецъ, громко, во всеуслышаніе сказать. Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, не видалъ онъ еще такой картины: первобытный народъ,

дикій и страшный въ своей ярости, отравленный интеллигентскимъ нигилизмомъ: соединеніе самыхъ темныхъ силъ варварства и цивилизаціи. Нигилистическіе дикари! Вотъ что сдѣлала съ народомъ нашимъ интеллигенція. Она ему душу опустошила, вѣру заплевала, святая святыхъ осквернила!

Дипломатъ. Слушая васъ, можно подумать, что у насъ нѣтъ собственнаго, народнаго нигилизма. Вспомните хоть того же Достоевскаго. И развѣ не народно это босячество духовное, которое Горькій исповѣдуетъ?

Генераль. У якутовъ, у чукчей, у ирокезовъ, у самоѣдовъ, у тунгузовъ — у кого хотите есть своя религія, своя святыня, есть свой культъ и бытъ, а, стало быть, и культура духовная. А вѣдь здѣсь, вмѣсто Бога, прямо брюхо поставили! Тѣ чурбану хотя кланяются, а эти — горячечной химерѣ. Для дикарей даже обидно это сравненіе!

Дипломатъ. Хорошъ же народъ, который допускаетъ совершить надъ собой подобное растлѣніе. Да и что можно сказать о тысячелѣтней церковной культурѣ, которая безъ всякаго почти сопротивленія разлагается отъ демагогіи? Вѣдь, какой ужасный историческій счетъ предъявляется теперь тѣмъ, кто вѣдаетъ церковное просвѣщеніе русскаго народа! Ужъ если искать виноватаго, съ котораго можно, дѣйствительно можно, спрашивать, таковымъ будетъ въ первую очередь русская церковь, а не интеллигенція.

Свѣтскій богословъ. Однако же, позвольте: что иное могло получиться, если образованный классъ, вотъ эта самая интеллигенція, чуть не поголовно ушла изъ церкви и первымъ членомъ своего символа вѣры сдѣлала безбожіе, вторымъ — революцію, а третьимъ — социализмъ? Церковь незыблема, конечно, во всемъ, что касается стороны благодатно божественной, но, какъ сила культурно-историческая, она нуждалась и нуждается въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, которыхъ такъ много находить западное христіанство. А гдѣ же они у насъ? Нѣтъ, безбожіе русской интеллигенціи есть не только роковая для нея самой черта, но это есть проклятіе и всей нашей жизни. Объ этомъ давно у насъ говорится, но теперь это для всѣхъ, имѣющихъ очи, чтобы видѣть, обнаружилось въ ужасающей степени. И самое печальное, что въ основѣ этого лежитъ не честно-выстраданное невѣріе, но невѣроятное религіозное легкомысліе, своего рода суевѣріе. Посмотрите особенно на провинціальную интеллигенцію, такъ сказать, второго и третьяго сорта: земскаго врача, фельдшера, учителя, акушерку. Хоть бы когда-нибудь они усомнились въ своемъ правѣ надменно презирать вѣру народную! На ихъ глазахъ люди рождаются, умираютъ, страждутъ, — совершается дивное и величественное таинство жизни, ежедневно всходитъ и заходитъ солнце, но ничего не шевелится въ ихъ душахъ, въ нихъ незыблемо царить писаревщина. Да этого еще мало! На русской ин-

теллигенціи лежитъ страшная и несмываемая вина, — гоненія на церковь, осуществляемого молчаливымъ презрѣніемъ, пассивнымъ бойкотомъ, всей этой атмосферой высокомернаго равнодушія, которой она окружила церковь. Вы знаете, какого мужества требовало просто лишь не быть атеистомъ въ этой средѣ, какія глумленія и заушенія, чаще всего даже непреднамѣренныя, здѣсь приходилось испытывать. Я очень хорошо знаю русскую интеллигенцію и вполне отвѣчаю за то, что говорю. Да, съ разрушительной тлетворной силой *этого* гоненія не идетъ ни въ какое сравненіе поднятое большевиками. Это послѣднее даетъ силу, призываетъ на мученичество, исповѣдничество; а вотъ, исповѣдывать вѣру въ атмосферѣ интеллигентскаго шипа, глупыхъ смѣшковъ, снисходительнаго пренебреженія — нѣтъ, это хуже большевизма. Притомъ же, въ своемъ нигилизмѣ онъ есть, конечно, законнѣйшее порожденіе той же самой интеллигенціи, какъ она отъ этого ни отрекайся. И вотъ, теперь судьба свела церковь и интеллигенцію въ состояніи общей гонимости со стороны большевиковъ. Дай Богъ, чтобы эта встрѣча повела къ внутреннему сближенію.

Писатель. Да, это безбожіе интеллигенціи дѣлаетъ ее некультурной и даже антикультурной, иконоборческой, по преимуществу. Вѣдь, приобщеніе къ культурѣ идетъ черезъ культъ, связано органически со способностью почитанія, которая отсутствуетъ въ психологіи нигилизма. Оттого ей остается

доступно только духовное идолопоклонство, каковымъ и является всяческое народобожіе или народничество. Поэтому, интеллигенція до сихъ поръ просто не замѣчала православія, какъ силы культурной и, въ частности, какъ эстетическаго начала жизни. Развѣ только въ самое послѣднее время намѣчался переворотъ: замѣтили, наконецъ, иконопись, церковную архитектуру, а во время разрухи начинаютъ оцѣнивать значеніе церкви и какъ начала государственнаго строительства и даже „національной святыни“. Я, конечно, вовсе исключаю здѣсь тѣхъ, кто ищетъ защиты у алтаря отъ обуревавшаго ихъ политическаго и соціальнаго испуга. Но, вѣдь, даже и всего этого мало для религіи. Никакой утилитаризмъ, хотя-бы и самый возвышенный, здѣсь неумѣстенъ, никакія практическія соображенія недопустимы. Нужно каждому для себя и за свой личный счетъ *заболѣть* религіей, ощутить кризисъ духовнаго своего бытія и заново родиться. И тогда все прочее приложится само собой. Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, мы не можемъ отказываться отъ этой надежды. Но безъ этого изъ религіознаго оппортунизма ничего не получится, кромѣ офіціальнаго политическаго лицемѣрія, котораго довольно было и при старомъ режимѣ. Охранять религію для народа, самому ея не имѣя,—да это хуже, чѣмъ самое адское нигилистическое изступленіе.

Генераль. Къ сожалѣнію, этой интеллигенціи нигилистической имя—легіонъ. Вѣдь всѣ эти на

видъ невиннѣйшіе народныя дома, бібліотеки, курсы для рабочихъ, „разумныя развлеченія“—все это фактически суть средства религіознаго развращенія народа. Даже когда они прямо и не направляются противъ церковности, однако, молчаливо ее подмываютъ однимъ уже пренебреженіемъ къ уставамъ церковнымъ: назначить любое чтеніе въ часы богослуженія, концертъ или тамъ вечеръ какой-нибудь—въ канунъ большого праздника,—все это дѣлается даже непреднамѣренно, не замѣчая. Но попробовали-бы въ Англіи такую вещь устроить. А вѣдь, гомеопатическія дозы оказываются иногда и наиболѣе дѣйствительными. Почему-то теперь вдругъ всѣ ошестинились, когда большевики назначили празднованіе 1 мая въ Страстную среду, тогда какъ сами повсюду и систематически дѣлали, по существу, то-же самое.

Свѣтскій богословъ. Да, теперь интеллигенція наша поставлена передъ диллемой: или духовно возродиться, предпринявъ радикальнѣйшій пересмотръ *всего* своего духовнаго багажа, всего своего гуманистическаго міровоззрѣнія, или-же просто сгнить заживо, исторически умереть. Идеалы революціи провалились, кумиры гуманизма и социализма низвергнуты. Нечѣмъ жить. А вѣдь, интеллигенція жила и живетъ вѣрой, нельзя у нея отнять этой ея религіозности своеобразной. Вотъ и предстоитъ теперь той ея части, которая окажется жизнеспособной, принести творческое покаяніе, ду-

ховно отвернувшись отъ всего прежняго. Зерно пшеничное, если не умретъ, не дастъ плода. Отъ того, какъ переживаетъ свой теперешній кризисъ русская интеллигенція, отъ исхода борьбы, происходящей въ ея сердцѣ, зависятъ во многомъ и будущія судьбы Россіи. И невольно хочется молитвенно послать ей благословеніе на трудномъ и страдальческомъ ея пути: да прозрѣтъ ея ослѣпленныя очи! Лишь-бы и здѣсь не побѣдила лѣнь душевная да легкомысліе, какъ это случилось послѣ первой революціи. Отъ нея наша интеллигенція ничему не научилась, благодаря чему и повторила всѣ свои ошибки, но въ ужасающихъ размѣрахъ, во время второй революціи.

Генераль. Не раздѣляю вашихъ надеждъ на перерожденіе интеллигенціи. Посмотрите: они растерялись, но и до сихъ поръ ничему не научились: твердятъ, какъ дятлы, свои „демократическія“ да социалистическія благоглупости. Да и вообще, пресловутая эта интеллигенція есть одно несчастье для Россіи и совершенно ей не нужна. Намъ нужны знающіе профессионалы, образованные специалисты, а не эти непризванные спасители міра, которые всюду поднимаютъ шумиху, но часто бываютъ никуда негодны въ работѣ. Вотъ, для нихъ нѣтъ болѣе презрительнаго названія, какъ „бюрократія“, а есть ли у насъ болѣе дисциплинированная, отвѣтственная, работоспособная группа образованныхъ дѣятелей, нежели эта самая бюрократія? Сама то интеллиген-

ція показала себя у власти, къ чему она пригодна, кромѣ говорильни. Согласитесь, что вѣдь большаго дѣловаго провала, чѣмъ происшедшій на этомъ парадномъ смотрѣ революціи, не могло и быть. Нѣтъ интеллигенція это—болѣзнь Россіи, ея несчастье! И сами же вы говорите, что они никакого подлиннаго отношенія къ русской, а, стало быть, и къ міровой культурѣ не имѣютъ. Они заражаютъ своей духовной проказой, изолировать ихъ надо, какъ зачумленныхъ. Погубили войну эти спасители мира, растлили армію пораженчествомъ своимъ да демократическими идіотствами, довели Россію до предательства и измѣны, и весь міръ теперь поставили подъ угрозу германскаго порабоженія.

Писатель. Я рѣшительно протестую противъ этого вѣшанья всѣхъ собакъ на одну интеллигенцію. Всѣ мы виноваты въ происшедшемъ, и каждый долженъ найти и осознать и свою личную, и общественную вину. Я, по крайней мѣрѣ, свою вину твердо сознаю, хотя, можетъ быть, еще не до конца разумѣю. Да и вообще, дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто. Я, разумѣется, не оспариваю, что интеллигенція въ большевизмѣ пожинаетъ въ значительной мѣрѣ плоды своихъ же собственныхъ дѣлъ. Большевизмъ есть, конечно, самое послѣднее слово нигилизма и народобожія. Интеллигенція теперь не узнала своего собственнаго божка во образѣ Калибана и начинаетъ впадать уже въ отрицательное народничество, чаадаевствовать. Но вотъ, что было

и есть прекраснаго въ русской интеллигенціи при всей ея духовной слѣпотѣ, такъ это—ея жертвенность. И въ этомъ—неумирающая красота ея духовнаго образа.

Генераль. Да, мы насмотрѣлись теперь на эту жертвенность, будущій историкъ подведетъ точный ея балансъ. Вообще, если есть какое-либо безспорное достиженіе у революціи, такъ то, что совершенно провалилась гнилая эта интеллигенція, вмѣстѣ съ бредовыми идеями и невыносимой пошлостью своей. Только сами они не видятъ въ самоудовольствіи своемъ, что они уже — люди прошлаго, и Россія обойдется и безъ нихъ.

Писатель. Глубоко ошибаетесь: вопросъ объ интеллигенціи и духовныхъ ея судьбахъ принадлежитъ, воистину, къ числу *проклятыхъ* вопросовъ русской жизни. Скажу больше того: то или иное его рѣшеніе имѣетъ *роковое* значеніе въ исторіи Россіи. Отъ того, какъ самоопредѣлится интеллигенція, зависитъ во многомъ, чѣмъ станетъ Россія. Да и развѣ можно ее отдѣлять теперь отъ народа, какъ постороннее тѣло? Интеллигенція теперь есть уже не сословіе, но состояніе, модуль народнаго бытія, духовный возрастъ народа. И Россія безповоротно уже вступила въ интеллигентскую эпоху своей исторіи, какъ это было съ Греціей въ вѣкъ Платона, съ Римомъ въ эпоху Августа да, въ сущности, произошло и со всѣмъ теперешнимъ евро-

пейскимъ міромъ. Быть, органической и безличной, неудержимо разлагается, всюду торжествуетъ личное начало. Совершилось какъ-бы новое рожденіе человѣка или, если хотите, новое грѣхопаденіе со вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла. Это безповоротно, и никакая реакція или реставрація не возстановитъ стараго бытового уклада. Будетъ лишь стилизація и поддѣлка, какія-бы силы ни были затрачены на эту стилизацію. Потому, народъ и оказался настолько доступенъ вліяніямъ интеллигенціи, что бытъ потерялъ свою упругость и сопротивляемость. Нѣтъ, отъ интеллигенціи намъ никуда не уйти.

Свѣтскій богословъ. Да и интеллигенція-то можетъ быть разная, въ этомъ-же все дѣло. Вѣдь, и Достоевскій, и Вл. Соловьевъ, и К. Леонтьевъ, и славянофилы, развѣ они не были интеллигентами? Борьба нужна не съ интеллигенціей, а съ интеллигентщиной—во имя духовной культуры. И надо надѣяться, что уроки исторіи, пережитыя испытанія, многому научатъ интеллигенцію, углубятъ ея духовное сознаніе и, самое главное, подвинутъ ее къ воцерковленію. Пока-же интеллигенція, дѣйствительно, переживаетъ жесточайшій кризисъ, но онъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и кризисъ Россіи.

Бѣженецъ. Въ дѣйствительности, этотъ кризисъ идетъ гораздо глубже. Его терпитъ вся европейская культура, и русская интеллигенція есть

лишь здѣсь наиболѣе чуткій барометръ. И онъ происходитъ не отъ войны, но отъ общихъ духовныхъ причинъ. Можно сказать, что и самая война скорѣе явилась слѣдствіемъ, а вмѣстѣ и симптомъ этого кризиса. Его давно уже ощущали проныцательнѣйшіе умы и зрѣли духовидцы. О немъ говорило искусство, которое всегда является мировымъ сейсмографомъ. Онъ показываетъ уже давно, что въ глубинѣ вулкана готовится изверженіе. Развѣ не вѣяло ужасомъ отъ этого разлагающагося міра, который просвѣчивалъ черезъ кубизмъ и всяческій футуризмъ? Плоть міра, красота ея, истлѣвала, исходя въ какіе-то кошмары и химеры. Въ ряду этого мирового кубизма оказалась и русская интеллигенція, больше-же всего большевики. И, право же, ихъ вопли о мировой революціи, о начинающемся пожарѣ—вовсе не такъ нелѣпы, какъ кажется многимъ. Они, какъ одержимые, оказываются вѣщими и прорекаютъ, какъ Валаамова ослица, шарахающаяся передъ мечомъ архангела.

Дипломатъ. Такія глубины для нашего брата, позитивиста, недоступны; но мировой кризисъ социализма и для меня налицо, углублять-же его, дѣйствительно, выпало на долю тѣхъ, кто всю энергію прилагаетъ къ углубленію революціи. Первый ударъ международному социализму нанесла война, а второй—русскіе большевики.

Бѣженецъ. И все-таки, Европѣ тоже не уйти отъ своего большевизма. Она еще содрогнется въ

конвульсіяхъ міровой революціи, и по ней проне-
сется красный конь соціального мятежа. И это—не-
смотря на то, что соціализмъ уже мертвъ: начало,
себя изживающее, все-же должно опытно познать
свое безсиліе. И русская интеллигенція, какъ ду-
ховная виновница большевизма, есть, дѣйстви-
тельно, передовой отрядъ мірового мятежа, какъ объ
этомъ и мечталось революціоннымъ славянофиламъ
отъ Бакунина до Ленина, при всемъ ихъ интерна-
ціонализмъ программномъ.

Свѣтскій богословъ. Я такого низкаго мнѣ-
нія о духовной сущности соціализма, что даже отри-
цаю за нимъ способность имѣть кризисы. Соціаль-
ныя революціи, вообще, буржуазны по природѣ,
если только не считать нѣкотораго количества фа-
натиковъ, ослѣпленныхъ бредовой идеей. А такъ
какъ мѣщанство, вообще, бездарно и бесплодно, то
такова-же и соціальная революція. Здѣсь нелице-
пріятнѣ всего свидѣтельствуесть эстетическое чув-
ство. Попробуйте подойти къ интеллигентщинѣ, къ
демократіи и соціализму, съ эстетическимъ мѣри-
ломъ, какъ сдѣлалъ это Леонтьевъ, и увидите, что
получится. Какъ бездарна и уродлива русская ре-
волюція: ни пѣсни, ни гимна, ни памятника, ни
жеста даже красиваго. Все ворованное, банальное,
вульгарное. Лоскутъ краснаго кумача да марсельеза,
украденная какъ разъ въ то время, когда мы подло
измѣнили французамъ. Въ одинъ изъ первыхъ еще
дней революціи мнѣ пришлось созерцать на одной

изъ московскихъ улицъ подобное шествіе. Я чело-
вѣкъ спокойный и, въ общемъ, настроенный народо-
любиво, но во мнѣ тогда клокотали презрѣніе и
брезгливость. Вотъ, если-бы Леонтьевъ увидалъ эту
картину! Впрочемъ, онъ ее, въ сущности, уже про-
видѣлъ. То, что настолько безобразно, скажу даже
гнусно, не можетъ быть и правдивымъ.

Писатель. Не къ лицу намъ этотъ эстетиче-
скій плащъ сверхчеловѣка, и не люблю я этой не-
любви леонтьевской, лишь прикрываемой эстетикой.
Притомъ, по существу, всякая картина требуетъ
опредѣленной перспективы. Весенній потокъ пре-
красенъ и могучъ, но, рассматриваемый вблизи, онъ
состоитъ изъ пѣны и грязи. Надо имѣть мудрое
благодное сердце, чтобы созерцать красоту стихій
народной. Гете зналъ эту тайну, а ужъ его-ли надо
учить эстетическому мѣрилу жизни. Вспомните
Фауста среди народа на прогулкѣ съ Вагнеромъ,
этотъ великолѣпный монологъ: „Von Eise befreit
sind Strom und Bäche?“

Свѣтскій богословъ. Да, только тамъ была
пасхальная веселящаяся толпа, а не отравленная
демагогіей чернь. Впрочемъ, я готовъ въ этомъ
сдѣлать вамъ уступку: если въ этомъ кричащемъ
уродствѣ есть свой собственный ритмъ, такъ это
именно тотъ, за которымъ давно уже гонятся фу-
туристы. Футуризмъ есть, дѣйствительно, художе-
ственное пророчество объ охлократіи; недаромъ

онъ оказался теперь въ естественномъ союзѣ съ большевизмомъ. Вы помните это его стремленіе ввести въ художественные ресурсы, наряду съ краской, и уголь, и щепку, и цвѣтную тряпку, и бутылочный ярлыкъ,—наконецъ, все это пристрастіе къ угловатому, кричащему, безобразному, но вмѣстѣ съ тѣмъ, окованному въ какой-то тягостный смыслъ. Вотъ, при видѣ этой рабочей демонстраціи, я вспомнилъ эти футуристическія потуги: передо мною, дѣйствительно, развернулась живая футуристическая картина. Это же, конечно, находить полную параллель и въ литературныхъ произведеніяхъ футуристовъ—введеніи въ стихъ всякихъ нечленораздѣльностей, криковъ, мычанія... Но, воля ваша, не умѣю я все-таки эстетически наслаждаться фабричной трубой и всею ея флорой и фауной.

Бѣженецъ. Своими словами вы сами свидѣствуете противъ себя-же. Если социализмъ находится въ нѣкоторой интимной, подпочвенной связи съ футуризмомъ—что, я думаю, вѣрно—то въ немъ есть и своя глубина, онъ является симптомомъ мірового распада и кризиса. Старая красота умерла уже въ мірѣ, футуризмъ свидѣствуетъ объ ея разложеніи, о корчахъ и вопляхъ, о стenanіяхъ всей мятущейся твари... Боленъ міръ, потому больно и искусство. А потому и улица такъ уродлива... Жизнь не рождаетъ красоты. Это чувствовалъ остро, но не хотѣлъ, все-таки, принять во всей серьезности Леонтьевъ. Онъ все хотѣлъ какъ-нибудь

„подморозить“, вернуть къ старому. Но ничего не надо подмораживать, ибо къ великой Красотѣ и свѣту Преображенія стремится стенающая тварь...

Генераль. Все это—самообманъ, заговариваніе зубовъ, нежеланіе смотрѣть въ лицо неприкрашенной дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ, какъ началась революція, мы живемъ въ сплошной грязи, въ свинарникѣ какомъ-то. Отъ человѣческой рѣчи понемногу отучаемся. Вы посмотрите, во что нашъ языкъ превращается, съ новой орфографіей мерзкой, измышленіемъ нигилизма—тоже кадетскій подарок!—да съ жаргономъ этимъ товарищескимъ, съ разными словами ихъ футуристическими. Я чувствую, какъ и самъ заражаюсь этимъ жаргономъ. Просто отвратительна становится жизнь: низкая чернь и бездарная интеллигенція. *Odi profanum vulgus et arceo*,—вѣрно, и тогда, въ вѣкъ Горация, это было точно также. И ничего свѣтлаго въ русской жизни покамѣстъ я не вижу.

Діалогъ пятый.

„Русская церковь въ параличѣ“.

Достоевскій.

„Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ“.

Онъ-же.

Свѣтскій богословъ. Вы забываете самое важное. Вы упускаете изъ виду цѣннѣйшее завоеваніе русской жизни, которое одно, само по себѣ, способно окупить, а, въ извѣстномъ смыслѣ, даже и оправдать всѣ наши испытанія. Это—освобожденіе православной русской церкви отъ плѣненія государствомъ, отъ казенщины этой убійственной. Русская церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная церковь возродитъ и соберетъ и рассыпанную храмину русской государственности. Ключъ къ пониманію историческихъ событій надо искать въ судьбахъ церкви, внутреннихъ и внѣшнихъ. Здѣсь лежитъ ея внутренняя законмѣрность.

Генераль. Кажется, что церковь и сама порядочно обольшевичилась за время революціи? Вѣдь, что-же происходило на церковныхъ сѣздахъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи?

Свѣтскій богословъ. То было лишь поверхностное движеніе, захватившее наиболѣе неустойчивые элементы: нѣкоторыхъ обновленческихъ батюшекъ да церковныхъ с.-д.: социаль-діаконовъ и социаль-дьячковъ, съ нѣкоторыми крикунами изъ мірянъ. Странно было-бы, если-бы его не проявилось. Но теперь это можно считать ликвидированнымъ. Волна революціи разбилась у церковнаго порога. Церковь смиренно, но твердо отразила революцію. Посмотрите, что дѣлается на церковномъ соборѣ? Вотъ, если гдѣ куется духовное оружіе къ возрожденію Россіи, то, конечно, именно тамъ и только тамъ.

Дипломатъ. А я снова повторяю, что ужъ если искать виноватыхъ въ той народной бѣдѣ, которая связана съ революціей, то наиболѣе тяжелая отвѣтственность лежитъ на русской церкви. Я даже не говорю о раболѣпствѣ и молчаливостѣ высшей іерархіи,—это ужъ у всѣхъ на зубахъ настряло. Но церковь обнаружила здѣсь и культурную свою несостоятельность, прямо оказалась въ историческомъ банкротствѣ. Какъ ни мало было основаній вѣрить грезамъ о народѣ-богоносцѣ, все-же можно было ожидать, что церковь за тысячелѣтнее свое существованіе сумѣетъ себя связать съ народной душой и стать для него нужной и дорогой. А, вѣдь, оказалось то, что церковь была устранена безъ борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло въ деревнѣ

даже легче, чѣмъ въ городѣ. Слой церковной культуры оказался настолько тонкимъ, какъ это не воображалось даже и врагамъ церкви. Русский народъ вдругъ оказался нехристианскимъ; теперь хлопочеть о его просвѣщеніи американская миссія, совсѣмъ какъ *in partibus infidelium*. А что же приходится сказать о вліяніи церкви на общую методику жизни, на дисциплину труда? Что можетъ здѣсь противопоставить православіе всѣмъ западнымъ исповѣданіямъ и, особенно, протестантизму, явно побѣждающему въ этой войнѣ? Страшный историческій счетъ предъявленъ церкви революціей. Я и не знаю, будетъ-ли она въ состояніи его оплатить.

Свѣтскій богословъ. Вы судите о церкви, какъ и большинство русскаго общества, откуда-то извнѣ, со стороны: вотъ, существуетъ тамъ, у простаго народа, которому и Вольтеръ разрѣшилъ Бога выдумать, его мужицкая церковь. Ей вы холодно и надменно ставите неудовлетворительную отмѣтку на историческомъ экзаменѣ, на которомъ сами-то проваливаетесь еще безнадежнѣй. Это и есть наше главное несчастье: образованный классъ по отношенію къ церкви занялъ положеніе безответственной оппозиціи, онъ только требуетъ и критиканить, вмѣсто того, чтобы самому стать въ рабочую запряжку и принять на себя свою долю отвѣтственности. Попробуйте сдѣлать это, и сразу весь вашъ критическій пылъ погаснетъ, потому

что воистину трудна работа Господня, и проклять всякъ, дѣлающій ее съ небреженіемъ. Я вамъ отвѣчу, что если вы правы и если церковь, дѣйствительно, оказалась не на высотѣ историческихъ своихъ задачъ, то изъ этого можно сдѣлать лишь одинъ практическій выводъ: надо быть церковнымъ болѣе, чѣмъ когда либо, и чувствовать свою личную отвѣтственность за историческія судьбы церкви. Церковность обязываетъ.

Генераль. Да, церковность обязываетъ, но прежде всего—къ правдивости и искренности. И поэтому, все-таки, приходится сказать, что у насъ въ православіи не все благополучно. Есть какой-то внутренний, обезсиливающий его недугъ, и лучшее тому доказательство—революція. Развѣ-же она не есть громовое свидѣтельство объ упадкѣ православія? Соль обуяла, и оттого стало разлагаться осоляемое ею тѣло. Развѣ имѣла право церковь безъ борьбы отказаться отъ священной власти? Она совершила предательство, отъ котораго еще умыла руки—вотъ, теперь и наказуется за это гоненіемъ.

Свѣтскій богословъ. Отъ идеи священной власти и христіанской государственности церковь, принципиально, не отказывается и теперь, а отъ распутинствующаго царя она должна была-бы отказаться и раньше, какъ только выяснилось, что Россія управляется вдохновеніями хлыста. Въ этомъ попустительствѣ былъ, дѣйствительно, великій грѣхъ

и ієрархіи, и мірянъ,—впрочемъ, понятный, въ виду извѣстнаго паралича церкви, ея подчиненія государству въ лицѣ оберъ-прокурора. Слава Богу, теперь церковь свободна и управляется на основѣ присущихъ ей началъ соборности.

Генераль. Но я никакъ не пойму, кто-же можетъ освободить церковь, кромѣ нея самой? Неужели временное правительство или эта, съ позволенія сказать, республика россійская? Если былъ, дѣйствительно, внѣшній параличъ церкви, то онъ былъ и внутри, и ужъ не берусь судить, излѣчилась-ли отъ него церковь. А что онъ былъ, это для меня ясно: въ самую роковую минуту исторіи не умѣли уберечь царя отъ Распутина! Гдѣ-же сила апостольской церкви, гдѣ власть рѣшить и вязать? Я не мистикъ, но не могу отдѣлаться отъ мысли, что злыя силы потому и могли мобилизовать Распутина, что не оказано было противодѣйствія. И тамъ, гдѣ должно было раздаться слово апостольское, дѣло рѣшила шальная офицерская пуля. Но, вѣдь, пулей нельзя бороться съ мистической силой. Вотъ и вышло, что распутинская кровь, пролившись на русскую землю, отродилась на ней многоглавымъ чудовищемъ большевизма, соціальнымъ хлыстовствомъ, съ явнымъ оттѣнкомъ садизма. Я не знаю, можно-ли справиться съ *этимъ* параличемъ однимъ возстановленіемъ соборнаго строя?

Свѣтскій богословъ. На эти сомнѣнія можно

и должно отвѣчать не словомъ, а только дѣломъ, жертвою. Надо возрождать церковную жизнь,—это сейчасъ самая важная патріотическая, культурная, даже политическая задача въ Россіи. Только отсюда, изъ духовнаго центра, и можетъ быть возрождена Россія, а потому и соборъ нашъ я признаю самымъ важнымъ событіемъ новѣйшей русской исторіи, а, въ частности, и революціонной эпохи, со всѣми перемѣнами декорацій и партійными бурями въ стаканѣ воды. Я знаю вкусъ и цѣну всему: и политикѣ, и экономикѣ, и культурѣ, но теперь я рѣшительный клерикалъ, и для блага церкви меня не тяготитъ даже такая работа, для которой-бы я пальцемъ о палецъ не ударилъ ради имперіализма этого безбожнаго.

Общественный дѣятель. Признаться вамъ сказать, я все-таки не понимаю, какое-же общерусское значеніе можетъ имѣть работа собора, помимо чисто профессиональныхъ интересовъ духовенства?

Свѣтскій богословъ. Я отвѣчу вамъ на это парадоксомъ: въ Россіи имѣетъ культурную будущность только то, что церковно,—конечно, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого понятія. И съ оцерковленіемъ русской жизни только и могутъ быть связаны надежды на культурное возрожденіе Россіи. Въдь вотъ, теперь производится въ грандіозныхъ размѣрахъ экспериментъ безбожной „соціалистической“ культуры. И посмотрите, какъ безсильна

и бесплодна оказывается она по всей линии, и прежде всего, въ самомъ жизненномъ для нея вопросѣ—дисциплины труда. Все развалилось, рабочая „годность“ упала, и для восстановленія ея не остается ничего, кромѣ социалистическихъ скорпіоновъ. Безъ воспитанія церковнаго намъ не возстановить ни народнаго хозяйства, ни государственности. Но мои-то пожеланія идутъ дальше: мнѣ мечтается духовное завоеваніе русской школы, ея внутренняя, такъ сказать, „клерикализація“, чтобы была, наконецъ, засыпана эта пропасть между церковью и свѣтскимъ просвѣщеніемъ.

Писатель. Я понимаю васъ. Согласенъ, что скромно и безшумно, въ атмосферѣ общественнаго равнодушія, на соборѣ творится дѣло величайшей важности. Помогите вамъ Богъ въ вашей работѣ. У меня шевелится только одно неразрѣшенное для меня сомнѣніе: до сихъ поръ соборъ дѣйствуетъ, на мой взглядъ, какъ церковно-учредительное собраніе, вырабатывающее своего рода конституцію. Это, конечно, и неизбежно при чисткѣ вѣковыхъ авгіевыхъ конюшенъ, но, боюсь, не получился-бы здѣсь своего рода церковный кадетизмъ, „конституціонно-демократическое“ православіе. Я этого чистенькаго правового православія, признаться сказать, побаиваюсь; да и очень легко въ немъ можетъ клерикализмъ угнѣздиться самый опасный. Какъ-бы намъ ужъ черезчуръ не отполировать нашего православія,—изъ коряваго, черносотеннаго,

но зато ядренаго и безконечно милаго древняго благочестія.

Свѣтскій богословъ. Такое опасеніе можетъ возникнуть только со стороны, внѣ атмосферы соборной. Въ томъ-то и дѣло, что важнѣе и существеннѣе всѣхъ этихъ работъ является духъ церковности, жизненное наше воцерковленіе. Какое это счастье—ощущать всю реальность церковнаго общенія, всю эту силу соборнаго единенія всѣхъ элементовъ церковности: епископата, клира и мірянъ. У насъ нѣтъ основаній бояться церковнаго юридика. А затѣмъ, развѣ-же вы не замѣчаете начавшагося церковнаго подъема, который еще дастъ свои плоды общаго оживленія приходской жизни?.. Къ числу счастливейшихъ дней моихъ принадлежитъ 28 января этого года, день всенароднаго крестнаго хода въ Москвѣ, когда силою молитвеннаго восторга исторгалось пасхальное пѣніе на зимней моштровѣ. И эта готовность тысячныхъ толпъ пострадать за вѣру, пасть отъ пули... Кровью мучениковъ уже омываются историческіе грѣхи церкви, убѣляются ея ризы.

Писатель. Да, это воистину такъ. Новая могучая сила входитъ въ русскую жизнь, спасительная и цѣлительная. Лишь-бы она не пошла на убыль такъ-же быстро, какъ и народилась. Къ сожалѣнію, это—въ русскомъ характерѣ.

Дипломатъ. Мнѣ тоже кажется, что надо съ большою осторожностью расцѣнивать этотъ рели-

гіозный подъемъ. Вѣдь, онъ вызванъ дикими мѣрами большевиковъ, поставившихъ церковь въ безвыходное положеніе. Необходимая самооборона неизбежно вызываетъ соотвѣтствующую реакцію, и недаромъ эти крестные ходы такъ соблазнительно напоминаютъ демонстраціи. Они имѣютъ нѣкоторый привкусъ растерянности и испуга, еле замѣтный среди общаго воодушевленія. На мой взглядъ, для церкви одинаково опасны обѣ крайности: катастрофическое потрясеніе вслѣдствіе гоненія и реставрація съ возстановленіемъ привилегій князей церкви. Вѣдь, всѣ они воспитаны старымъ режимомъ, который имъ снится, какъ потерянный рай.

Свѣтскій богословъ. Теперь для церкви уже не страшна никакая реставрація. Она не поступится свободой, сладость которой она познала, и не откажется снова отъ каноническаго своего строя, который былъ поруганъ въ синодальный періодъ. Надѣюсь, что и для владыкъ нашихъ нѣтъ уже возврата къ прошлому, когда они были въ плѣну собственнаго положенія, запертые въ своихъ архіерейскихъ домахъ. Произошла ихъ встрѣча съ церковнымъ народомъ, и онъ ихъ уже отъ себя не отпустить, да и они не захотятъ съ нимъ разлучаться. Однако, не могу отрицать, что для церковнаго роста необходимъ приливъ силъ, привычныхъ къ свободной творческой инициативѣ, и среди клира, и среди мірянъ. Вотъ почему такое значеніе имѣетъ теперь приближеніе интеллигенціи къ цер-

кви. Въ отрывѣ отъ церкви она погибнетъ, но и церкви не справиться со своими очередными задачами безъ прилива свѣжихъ силъ. А при этомъ условіи не страшна ей реакція. Церковь пріобрѣтетъ независимость и упругость вмѣстѣ съ навыками къ борьбѣ и окажетъ противодѣйствіе новому наслію.

Генераль. Ждите смоквъ отъ репейника! Нѣтъ, интеллигенцію лучше совсѣмъ изъ счета выкинуть. Надо думать, какъ своими средствами, безъ нея обойтись. Вообще, трудно уже надѣяться на всенародное движеніе къ церкви. Въ лучшемъ случаѣ она будетъ окружена кольцомъ невѣрія и равнодушія, а въ худшемъ— можетъ продолжаться и прямое гоненіе, только въ культурныхъ формахъ: примѣрно, какъ во Франціи. Я человѣкъ военный и привыкъ разсчитывать практически не на лучшее, а на худшее:—къ катакомбамъ надо готовиться, вотъ что. И затѣмъ—я плохо, конечно, разбираюсь въ этихъ вопросахъ,—но меня дивитъ, что многіе связываютъ какія-то особыя надежды съ реформой прихода, которая фактически сведется лишь къ его „демократизаціи“, т.-е. къ засилію улицы и къ церковной демагогіи.

Свѣтскій богословъ. Но развѣ церковь въ своей борьбѣ съ насильниками можетъ теперь опереться на что-нибудь, помимо церковнаго народа? Вотъ, и происходитъ повсемѣстная его мобилизація. Появленіе настоящей церковной демократіи есть

одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій русской жизни за революцію.

Бѣженецъ. А все-таки, едва ли можно влить новое вино въ старые мѣхи, и теперешній приходъ держится больше ради удобства, но не есть живая церковная единица. Вѣдь наиболѣе живые члены церкви обычно не удовлетворяются однимъ приходомъ, но ищутъ другихъ формъ религіознаго объединенія. Для меня является даже вопросомъ, есть ли вообще это новое вино въ „широкой“ церкви, въ ея толщѣ, и даже на соборѣ, который является своего рода смотромъ церковныхъ силъ. Можетъ быть, мои впечатлѣнія отъ собора и недостаточны, однако, они говорягъ мнѣ, что здѣсь много благочестія, вѣрности преданію, ну, старовѣрія, что ли, въ самомъ лучшемъ, самомъ положительномъ смыслѣ, но движенія религіознаго здѣсь нѣтъ; повидимому, даже мало вкуса къ религіознымъ вопросамъ, догматическаго волненія. Развѣ это, на самомъ дѣлѣ, соборъ? Церковно-учредительное собраніе—да. Да и откуда же было явиться иному? Вѣдь, и въ правящихъ, и въ ученыхъ кругахъ, въ сущности, царитъ одинаковое равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, прикрываемое то напыщеннымъ важничаньемъ, то старовѣріемъ. Нѣтъ жажды, нѣтъ тревоги. Нужны ли примѣры: какъ отнеслись къ огнепалющему вопросу о почитаніи имени Божія? Въ сущности,—никакъ, съ ледянымъ равнодушіемъ, сели не говорить о примѣшавшихся сюда личныхъ

самолюбіяхъ. Было ли замѣчено грандіозное явленіе мистической литературы—„рукописи“ А. Н. Шмидтъ, въ которыхъ данъ, можетъ быть, ключъ къ новѣйшимъ событіямъ міровой исторіи? Какая безпомощность въ вопросахъ оккультизма и вообще антропологии! Впрочемъ, это все частные примѣры, о которыхъ можно спорить и отводить ихъ въ качествѣ ересей, но все таки остается тотъ фактъ, что и на соборѣ, какъ и внѣ его, царитъ догматическая вялость и спячка, а при такомъ условіи мы даже права не имѣемъ притязать на настоящій соборъ, кромѣ какъ на созданный сверху, по щучьему велѣнію, по оберъ-прокуророву хотѣнію. Вселенскіе соборы возникали тогда, когда церковная жизнь доходила до точки кипѣнія, при которой единственнымъ жизненнымъ исходомъ могло быть только „изволися Духу Св. и намъ“. А это не соборъ, а лишь всероссійскій церковный съѣздъ, облеченный чрезвычайными полномочіями. Только всего.

Свѣтскій богословъ. Все это совершенно невѣрно. Легко критиковать, да еще съ налету, по случайнымъ впечатлѣніямъ, но нужно войти въ самую гущу соборной работы, изо дня въ день участвовать въ соборной жизни, чтобы оцѣнить всю непримѣрность этой работы и по напряженности, по плодотворности, и по быстротѣ. Я участвовалъ въ разныхъ собраніяхъ—и ученыхъ, и политическихъ— и утверждаю, что такой просвѣщенностью, до-

бросовѣстностью, вообще, „годностью“ не обладаетъ у насъ никакое собраніе. Можно излѣчиться отъ всякаго скептицизма относительно судьбы Россіи, бывая на засѣданіяхъ собора. А что касается мнимаго равнодушія къ вопросамъ догматическимъ, то, вѣдь, всему свое время. Надо намъ сначала очередныя задачи разрѣшить, вынести изъ храма вѣками накопившійся соръ, тогда и придетъ уже время для догматическихъ вопросовъ. Впрочемъ, въ церковной жизни вообще нѣтъ недогматическихъ вопросовъ, и всякій вопросъ ея устройства связанъ съ основами церковнаго вѣроученія. Конечно, на соборѣ нѣтъ той нервности и самосочинительства, авантюризма религіознаго, которые столь обычны у представителей „новаго сознанія“, у разныхъ мистиковъ, оргіастовъ, антропософовъ, теософовъ и под. У нихъ погоня за пикантностью нерѣдко уничтожаетъ чувство дѣйствительности. Еще не хватало бы на соборѣ излюбленные ихъ вопросы „третьяго завѣта“ обсуждать, о полѣ, на примѣръ. Нѣтъ, на соборѣ не должно быть мѣста для хлыстовщины.

Бѣженецъ. Да, о разводѣ говорили много, но о таинствѣ брака, по существу, сужденій что-то не было. Вѣроятно, все достаточно ясно изъ катехизиса.

Свѣтскій богословъ. Да, все достаточно ясно, если не напускать хлыстовскаго тумана или разныхъ „третьезавѣтныхъ“ ересей.

Бѣженецъ. И все-таки, я остаюсь при убѣжденіи, что теперешнее православіе имѣетъ характеръ старовѣрія и глухо къ вопросамъ, которые ставятся для него его же собственной жизнью. Я не осуждаю старовѣрія, напротивъ, я нахожу, что въ извѣстномъ аспектѣ церковь и должна быть именно старовѣрческой, связанной священнымъ преданіемъ, въ которомъ при этомъ все одинаково важно и существенно,—въ этомъ принципиально правы старообрядцы. Но для нея, какъ для церкви воинствующей и пребывающей въ исторіи, одно лишь старовѣріе явилось бы насильственной остановкой времени. Въ такое положеніе, именно, и попало наше старообрядчество: здѣсь церковная исторія заканчивается въ 17 вѣкъ, и далѣе мѣсто ея заступаетъ церковная археологія. Положеніе трагическое, котораго, можетъ быть, не осознали еще во всей остротѣ старообрядцы.

Свѣтскій богословъ. Я, вообще, не понимаю, о чемъ вы говорите. Никакихъ новыхъ событій въ церковной жизни не произошло, вся эта политическая шумиха и даже катастрофа не достигаетъ глубины церковной жизни. И вообще, православіе останется до конца міра самимъ собою, какъ „единая, соборная, апостольская церковь“.

Бѣженецъ. Единая, соборная, апостольская церковь, конечно, пребудетъ до скончанія вѣка. Но адекватно ли ей теперешнее грекороссійское пра-

вославіе—это вовсе не такъ безспорно. Я же лично полагаю, что мы фактически уже перешли за грань *историческаго* православія, и въ исторіи церкви началась новая эпоха—ну, по меньшей мѣрѣ, столь же отличная отъ предыдущей, какъ, напр., до-константиновская эпоха отличается отъ ей предшествовавшей. Эра же константиновская для Византіи закончилась уже въ 1453 году, а для всей православной церкви 2 марта 1917 года. Паденіе самодержавія есть грань въ исторіи церкви, и думается, что изгладить ея не можетъ уже никакая реставрація по нѣмецкому образцу.

Свѣтскій богословъ. Вы повторяете распространенный предразсудокъ о томъ, что православіе и самодержавіе связаны между собою такъ, какъ это утверждаютъ черносотенцы или же явные враги церкви, политиканствующие литераторы, вроде Мережковского, который велъ флиртъ съ революціей, пока она не показала настоящихъ своихъ зубовъ. Никакой связи между православіемъ и самодержавіемъ, кромѣ какъ исторической, вообще нѣтъ, и это воочію подтвердилось теперь, когда православіе получило, наконецъ, свободу, и его никто уже не можетъ попрекать союзомъ съ самодержавіемъ.

Бѣженецъ. А все-таки, такая связь существовала, не внѣшняя только, но внутренняя мистическая, да это и соотвѣтствуетъ исконному самосо-

знанію православія отъ св. Константина и до нашихъ дней. Церковь сосредоточивала особую любовь на своемъ помазанникѣ, какъ возлюбленномъ, отрасли Давида, женихѣ церковномъ. Всмотритесь въ литургику, которая калѣчится теперь механическими ампутаціями: помимо витійства придворнаго и раболѣпства, вы ошутите эту мистическую любовь. Церковь сознавала, что во „внѣшнемъ епископѣ“, „викаріи Бога на землѣ“, она имѣетъ зодчаго града Божія, блюстителя вертограда церковнаго. Иначе православіе, вѣдь, и не мыслило свою историческую миссію созданія Божьяго Царства на землѣ. Когда пала Византія, бармы Мономаховы перенесены были въ полуночныя страны, и наши благочестивые предки съ полнымъ основаніемъ осознали Московію „Третьимъ Римомъ“.

Свѣтскій богословъ. Вы навязываете православію догматъ о самодержавіи и приписываете ему ересь цезарепапизма, или папоцезаризмъ навыворотъ, латинскую ложь. Хотя онъ и появлялся въ исторіи, какъ злоупотребленіе и попустительство, зато никогда не возводился въ догматъ, какъ въ католичествѣ. Придворному этикету, проникшему, къ сожалѣнію, и въ литургику, вы приписываете принципиальное значеніе, котораго онъ не имѣетъ.

Бѣженецъ. Если считать догматомъ только то, что получило формулировку на вселенскихъ соборахъ, то, разумѣется, не только нельзя говорить о

въроучительной основѣ самодержавія, но и о многихъ церковныхъ ученіяхъ, имѣющихъ, безспорно, догматическое значеніе, напр., о почитаніи Богоматери, о таинствахъ и многомъ другомъ. Что самодержавію придавалось не только религіозно-практическое, но и въроучительное значеніе въ исторіи православія—едва ли можно оспаривать. Внѣ этого предположенія становится сплошнымъ недоразумѣніемъ исторія Византіи, въ частности, вселенскихъ соборовъ, на которыхъ за царями признавались извѣстныя *церковныя* права, да и вся исторія русскаго самодержавія. Церковь славить св. Константина, какъ „перваго царя въ христіанствѣ отъ Бога скипетръ воспріявшаго“, мыслить его, какъ теократическій органъ. Да чего далеко ходить: вы знаете, какъ ставился у насъ этотъ вопросъ еще недавно въ чинѣ анаѳематствованія, совершасмомъ въ недѣлю православія?

Свѣтскій богословъ. Мало ли чѣмъ было засорено наше богослуженіе за императорскій періодъ. Одни эти безконечныя поминовенія чего стоятъ. И какъ просіяло оно теперь, когда этого нѣтъ: словно, икона, которая промыта и освобождена отъ въковой копоти и грязи.

Бѣженецъ. Однако, нельзя же все, что намъ не нравится, считать злоупотребленіемъ. Такъ вотъ, въ анаѳематизмахъ этихъ перечисляются главныя догматическія ереси, смущавшія и потрясавшія церковь, —

аріева, македоніева и под. А въ ряду ихъ стоитъ подьномеромъ 11-мъ слѣдующее: „помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престоль не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и при помазаніи дарованія св. Духа къ прохожденію сего великаго званія въ нихъ не изливаются: и токо дерзающимъ противъ нихъ на бунтъ и измѣну — анаеема“.

Свѣтскій богословъ. Несомнѣнно, что анаеематизмъ этотъ политическаго происхожденія, поэтому онъ съ мудрой рѣшительностью уже исключенъ новой церковной властью.

Бѣженецъ. Однако, есть и теперь такіе, которые полагають, что Россія навлекла на себя эту анаеему, и видять въ этомъ первопричину всѣхъ нашихъ бѣдъ, потому что анаеема не мимо молвится, не пустое это слово, безсильно падающее въ воздухъ.

Генералъ. Вотъ это вѣрно! Я не умѣлъ этого выразить, но чувствовалъ смутно все время, что надъ Россіей тяготѣтъ нѣчто роковое. И ярче всего это выразилось на судьбѣ арміи и ея вождей. И, вѣдь, посмотрите, какъ ощущается мистическая сила присяги даже безбожнымъ правительствомъ, тоже измыслившимъ „соціалистическую присягу“ — совсѣмъ по Апокалипсису: „печать звѣря“.

Дипломатъ. Ребяческому пристрастію къ помпѣ и буффонадѣ вы готовы придавать серьезное значеніе. И насчетъ мистическаго значенія присяги вы

тоже фантазируете. Винить же генераловъ, которые столько пострадали отъ всякихъ „сферъ“, можно только подъ влияніемъ мистическаго предразсудка. Они должны были принести въ жертву даже свой монархизмъ изъ любви къ родинѣ.

Генераль. И за эту жертву понесли немедленную кару вмѣстѣ съ арміей. Умѣйте же внимать голосу исторіи.

Свѣтскій богословъ. И все-таки, въ союзѣ православія и самодержавія ничего мистическаго я не вижу. Православіе процвѣтало не только въ Москвѣ, но и въ сѣверно-русскихъ республикахъ, гдѣ осуществился величайшій подъемъ національнаго творчества: иконописи, храмостроительства. Оно жило подъ Батыемъ, живетъ подъ султаномъ, какъ и теперь подъ большевиками. И связывать его судьбы съ самодержавіемъ можно, только закрывая глаза на его исторію.

Бѣженецъ. Вы указываете на провинціальныя центры православія, которые существуютъ при главномъ, но не черезъ нихъ проходитъ его магистраль. Православіе со временъ Константина имѣло всемірно-историческое заданіе: — установить православную теократію—единую, какъ едина и церковь. Вотъ, куда мѣтила идея второго и третьяго Рима. Къ тому же стала стремиться и папская власть своей волей къ міродержавству. На этой почвѣ произошелъ и великій расколъ церковный. На путяхъ теократіи

встрѣтились соперниками первосвященникъ-царь и царь-первосвященникъ. Здѣсь вовсе не о честолюбіяхъ папъ и не о замашкахъ цезарепапизма идетъ рѣчь, но о планѣ строительства Града Божія. Неумолимая исторія одинаково поставила крестъ и на западныхъ и на восточныхъ замыслахъ; крушеніе западной іерократіи произошло уже давно, восточной же совершилось только теперь. Великій споръ востока и запада нынѣ исчерпанъ и упраздненъ. Въ 1917 году окончилась константиновская эпоха въ исторіи церкви и началась слѣдующая, имѣющая аналогію въ эпохѣ гоненій и катакомбномъ періодѣ существованія церкви.

Дипломатъ. Можно, пожалуй, опасаться, что еще не совсѣмъ окончилась, если только намъ придется испытать прелести реставраціи, конечно, *germanis auxiliis*. Впрочемъ, новѣйшая наша „теократія“ петербургскаго періода и безъ того была полунѣмецкой и, значить, наполовину замѣшана была на дрожжахъ протестантизма.

Бѣженецъ. Я не отрицаю возможности того, что у насъ можетъ возстановиться буржуазно-конституціонная монархія прусскаго образца, со всѣмъ декорумомъ „правового государства“. Но это будетъ лишь послѣдняя ступень упадка великой „священной имперіи“, „православнаго царства“. Оно рушилось, а возродиться могло бы только изъ нѣдръ церковнаго сознанія. И историческая межа прове-

дена здѣсь все таки Распутинымъ, съ его миссіей лжепророка. Мистическій смыслъ и значительность явленія Распутина вами не дооцѣниваются.

Свѣтскій богословъ. А вами измышляются въ угоду болѣзненной мистической фантазіи, видящей апокалипсисъ тамъ, гдѣ умѣстна лишь половая психопатологія. И какой-нибудь разницы между старой монархіей и реставраціей, если только она возможна, я въ религіозномъ отношеніи не вижу. Это есть вопросъ политической цѣлесообразности, котораго я здѣсь не обсуждаю, но церкви слѣдуетъ навсегда сохранить свободу и независимость отъ государства при всякомъ политическомъ строѣ. Государство должно, конечно, даже по соображеніямъ политической мудрости, оказывать содѣйствіе церкви при достиженіи ея цѣлей, но церковь не можетъ итти далѣе простой корректности къ государству, не допуская снова романтики раболѣпства и отнюдь не заводя себѣ новаго „жениха“, какъ вы изволили выразиться.

Бѣженецъ. Да, только это будетъ уже не то православіе, какимъ оно было до сихъ поръ.

Писатель. Но куда же дѣвается у насъ православіе? Вы понимаете его какъ-то по-своему, необычно.

Бѣженецъ. Я, дѣйствительно, думаю, что православіе, въ точномъ церковно-историческомъ смыслѣ, не имѣетъ ни будущаго, ни настоящаго, а

только прошлое. Мы находимся уже за его гранью. Съ паденіемъ православнаго царства оно получило неисцѣльную рану, надо это прямо признать. Теократія по образу священной имперіи не удалась, точнѣе, ея значеніе оказалось только предварительнымъ, преобразовательнымъ, а не свершительнымъ. И знаете ли? Это означаетъ, что и старая греко-римская распря потеряла уже свою остроту. Ибо не изъ-за догматовъ она первоначально возникла, а изъ различнаго пониманія путей теократіи. И обѣ церкви прошли этотъ свой путь до конца и уперлись въ тупикъ, потерпѣли неудачу, если только, впрочемъ, можно считать неудачей всякое законо-мѣрное развитіе, изживающее себя до конца. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, можно объявить неудачей и весь историческій процессъ, что, конечно, будетъ неправильно. Вотъ, почему теперь съ какой-то новой свѣжестью и плѣнительностью встаетъ передъ нами старый вопросъ о соединеніи церквей, къ которому зоветъ и нудитъ насъ грозный историческій часъ, надвигающійся для всего христіанства.

Свѣтскій богословъ. Да, отцамъ іезуитамъ теперь самое время для ловли рыбы въ мутной водѣ. Недаромъ уніа такъ распространяется на Украинѣ, согласно давно уже задуманному Шептицкимъ, совмѣстно съ австро-германскимъ генеральнымъ штабомъ, . плану. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, необходима война съ католицизмомъ.

Бѣженецъ. Надвигается общій врагъ на все

христіанство, предъ лицомъ котораго православію и католицизму уже нечего становится дѣлать. Догматическія различія никогда здѣсь не имѣли рѣшающаго значенія, они могутъ и должны быть сглажены при искреннемъ и любовномъ желаніи понять другъ друга. Въ сущности, и католичество становится уже не то, какъ и православіе. Нѣчто происходитъ здѣсь, видимое пока немногимъ, единицамъ: родится новое ощущеніе вселенской церкви. Если это чувство расширится и углубится, то потеряютъ сами собою силу всѣ безконечныя пререканія, цѣлыя бібліотеки, по этому поводу написанныя. Все обезсилѣетъ передъ стихійнымъ влеченіемъ къ единенію во Христѣ.

Свѣтскій богословъ. Сознаюсь, что совершенно васъ здѣсь не понимаю. Вѣдь, это тотъ-же интернаціонализмъ, только иначе перелицованный. Раньше всѣхъ у насъ его стали проповѣдывать русскіе іезуиты и вообще католизирующіе, какъ, напри., Чаадаевъ; имъ довольно неожиданно, хотя и посвоему, протягиваетъ руку въ пушкинской рѣчи Достоевскій, который вообще-то зналъ настоящую цѣну католицизму; потомъ за это принялись либералы, марксисты, вплоть до нынѣшнихъ товарищей. Теперь вы снова проповѣдуете интерконфессіональное братаніе въ то время, когда надо охранять фронтъ отъ коварнаго врага.

Бѣженецъ. Въ томъ-то и дѣло, что фронтъ долженъ быть обращенъ вовсе не туда. Настоящій

врагъ наступаетъ на эти оба раздробленные и тѣмъ обезсиленные фронта.

Свѣтскій богословъ. Чего-же вы хотите: вѣроисповѣднаго безразличія или уніи, моднаго теперь „католичества восточнаго обряда“?

Бѣженецъ. Ни того, ни другого. Нахожу, что теперь необходимо быть церковнымъ болѣе, чѣмъ когда-либо, ибо нынѣ ничто такъ не наказуется, какъ церковная безпочвенность. И практически я, если угодно,—клерикалъ, дорожащій каждой іотой въ православіи. Вѣдь, только отъ полноты жизни церковной можно чаять духа пророчественнаго, полноты свершеній, а не изъ сектъ или салоновъ. Надо быть абсолютно церковнымъ и въ смыслѣ внѣшней дисциплины, (потому и нельзя позволять себѣ такихъ экспериментовъ самочиннаго соединенія церквей, какъ Вл. Соловьевъ съ его тайнымъ присоединеніемъ къ католичеству и въ то-же время пребываніемъ въ православіи), и въ смыслѣ внутренней вѣрности, любви ревнующей, напряженной, требовательной, взыскующей. Этого-то какъ разъ и не хватало славянофильству: они были вѣрны православію рыцарски и благородно, но при этомъ оставались черезчуръ спокойны и сыты. А сытость не есть полнота и блаженство.

Свѣтскій богословъ. Та религіозная неврастенія, которая составляетъ отличительную черту современнаго хлыстовства, была, дѣйствительно,

чужда этимъ мужественнымъ борцамъ за православіе, какимъ былъ Хомяковъ вмѣстѣ съ другими славянофилами. Мнѣ кажется, что именно духъ Хомякова витаетъ на церковномъ соборѣ, утверждая его въ уравнищенности, устойчивости и спокойной, радостной ясности.

Бѣженецъ. Вы даже болѣе правы въ этомъ, чѣмъ и сами думаете. Но именно это-то и подтверждаетъ мою мысль о томъ, что соборъ въ чемъ то самомъ основномъ не стоитъ на высотѣ современности, остается позади ея. Знамя Хомякова, какъ и всѣхъ славянофиловъ, принадлежитъ уже миновавшей исторической эпохѣ. Твердая почва, родовой укладъ, крѣпкій бытъ — все это стало зыбко, какъ при землетрясеніи, все расплавилось и переплавляется въ огнѣ.

Свѣтскій богословъ. Вы говорите о славянофильствѣ, какъ о какомъ-то духовномъ трупѣ, который еще не успѣлъ разложиться. Да и вообще, такое отношеніе къ исторической церкви мнѣ представляется просто кошунственнымъ, и я предпочелъ бы прямую вражду подобной снисходительности. Вообще, лучше имѣть дѣло съ открытыми врагами, нежели со своевольниками, обманчиво прикрывающимися церковностью.

Бѣженецъ. Что вамъ на это отвѣтить? Исповѣдовать преданность церкви безграницную? Считаю это неумѣстнымъ. Однако, именно въ томъ,

что православіе переживаетъ извѣстный кризисъ, я и усматриваю свидѣтельство его жизненности. Вѣрую и съ Божіей помощью буду вѣровать до смертнаго часа, что въ восточномъ православіи въ чистотѣ и неповрежденности блюдется истина церковная, и что русская церковь просіяетъ неотразимой красотой и непобѣдимой силой. Отъ нея изыдетъ свѣтъ во спасеніе всему міру. Сознаю также историческимъ разумомъ своимъ, что православная церковь въ Россіи есть первый, а теперь даже единственный оплотъ русскаго національнаго и культурнаго сознанія, и на служеніе ей прямо или косвенно должны быть отданы всѣ лучшія силы страны, такъ или иначе они должны на нее „оріентироваться“. Этому научаютъ насъ тяжелыя испытанія, которыя нудятъ сплотиться около церкви, подобно тому, какъ раздробленная Польша соединилась около костела. Русской церкви предстоятъ великія задачи и въ области культурнаго творчества: она должна снова облагодатствовать русскій геній. Однако, мню, что для этого ей надлежитъ побѣдить и свою собственную замкнутость и живо ощутить раздѣленіе церковей, какъ рану на живомъ тѣлѣ церкви. Нѣчто драгоцѣнное утеряно, начиная съ рокового десятаго вѣка, и востокомъ, и западомъ, что можетъ и должно быть восстановлено.

Свѣтскій богословъ. Что же вы оставляете на долю искалѣченной, по вашему мнѣнію, раздѣленіемъ восточной церкви? Только задачу самоу-

праздненія черезъ соединеніе, раствореніе въ стихіи романизма, который вреднѣй и опаснѣй даже и германства?

Бѣженецъ. Русская церковь, какъ никакая другая изъ помѣстныхъ церквей, исполнена смутныхъ чаяній и жажды апокалипсическихъ свершеній. Россія грѣховная, обезбоженная, растлѣнная найдетъ въ себѣ силы для вопля благоразумнаго разбойника въ послѣдній часъ исторіи, ибо она все-таки остается страной святыхъ чудесъ. Здѣсь сверкнетъ бѣлый лучъ мірового Преображенія.

Дипломатъ. Quod erat demonstrandum: inimicitiae temporales, amicitiae sempiternae, трогательное единеніе всѣхъ славянофильскихъ сердець. Боже мой, неужели даже все происходящее теперь съ Россіей неспособно освободить русскія головы отъ славянофильскаго тумана? Иногда мнѣ прямо кажется, что эта мечтательность вреднѣе, ядовитѣе соціалистическаго бреда. Она поражаетъ нашу волю, погружаетъ насъ въ созерцательный квіетизмъ. Вѣрно, только нѣмецкіе шпицрутены будутъ выколачивать изъ насъ эту восточную химеричность и вселять трезвость. Вотъ, въ чемъ настоящая причина русскаго кризиса.

Заключеніе.

„Жена, облеченная въ солнце“.

Апокалипсисъ.

Бѣженецъ. Отчего вы видите только паденіе побѣжденной Россіи, но при этомъ, какъ будто, забываете, что происходитъ со всѣмъ міромъ? Развѣ мы не являемся свидѣтелями всеобщей катастрофы, крушенія всей „новой исторіи“?

Дипломатъ. Слѣдуетъ избѣгать этихъ трагическихъ преувеличеній. Европа не разъ переживала кризисы и изъ нихъ выходила возрожденной. Возстановится нормальная жизнь въ Европѣ и теперь, да и въ Россіи возстановится, надо намъ только пугачевщину, да вотъ маниловщину эту избыть.

Бѣженецъ. А я думаю, что старый бытъ вообще не возстановится, да и было-бы слишкомъ большой безсмыслицей, неудачей исторіи, если-бы просто все возстановилось. Хвататься во чтобы-то ни стало за обломки стараго есть тоже, что держаться за доски разбившагося корабля. Конечно, въ Россіи можетъ и возстановиться сравнительно спокойный образъ жизни, но это будетъ лишь „пе-

редышка“, которою и надо воспользоваться должнымъ образомъ. Весь міръ превращается въ огненную массу, и некуда укрыться отъ напора бѣшеныхъ волнъ.

Дипломатъ. Но такое-же міроощущеніе родитъ, вѣдь, всякая большая война. Припомните 1812 годъ, и тогда уже конца міра ожидали любители эсхатологій, апокалиптики тогдашніе. Въ результатъ-же получился... священный союзъ, да міровой расцвѣтъ капитализма. Нѣчто подобное имѣеть получиться и теперь, и довольно ясно, изъ какихъ элементовъ этотъ міръ возникаетъ.

Бѣженецъ. Всякая великая война, и дѣйствительно, является прообразомъ и, какъ бы, исторической репетиціей мірового потопа. Однако, развѣ же исторія знаетъ событія, по широтѣ и значенію подобныя теперешнимъ?

Дипломатъ. И все-таки, они еще не міровыя. Желтый миръ по настоящему, въ борьбу не втянулся, и едва ли это будетъ въ ближайшемъ времени. Индія пока въ сторонѣ. Для Европы все еще „образуется“ — вотъ, образуется ли для Россіи?

Бѣженецъ. Мнѣ вспоминается почему-то, какъ въ самомъ началѣ войны мнѣ пришлось выселяться вмѣстѣ съ другими изъ Польши. Передъ нами катились волны великаго переселенія народовъ. И мнѣ думалось невольно, что, вотъ, близится время, когда всѣ почувствуютъ себя въ большей или мень-

шей степени „бѣженцами“, выброшенными изъ насиженныхъ гнѣздъ, бездомными и — свободными. Весь міръ переходитъ въ бѣженство, какъ тутъ не вспомнить исконныя предчувствія нашихъ бѣгуновъ? Вотъ, и въ проклинаемой вами интеллигенціи нашей, дѣйствительно, безбытной и безблагодатной, есть это ощущеніе бѣженства, взыскающаго нездѣшняго града. Лишь бы она прозрѣла и поняла, чего она, на самомъ дѣлѣ, жаждетъ.

Генераль. Нѣтъ, извините, слишкомъ много чести для нея; интеллигенты наши отщепенцы, эмигранты, а не бѣгуны. У нихъ совсѣмъ нѣтъ чувства родины, чувства земли.

Бѣженецъ. Это даже и вѣрно отчасти, что вы говорите, только несущественно, въ послѣднемъ счетѣ. Все-таки интеллигенція жаждетъ того, что можетъ дать лишь Преображеніе, хотя по слѣпотѣ своей и ждетъ этого отъ революціи. Но въ этой жадѣ она народна. Она, конечно, не вышла еще изъ дѣтскихъ пеленокъ, не пережила ребяческаго буйства, и сама себя не знаетъ. Но безъ нея Россія—скажу даже больше: русская церковь — не выявить того, что выявить она призвана.

Свѣтскій богословъ. Да, но пока интеллигенція есть самый консервативный, старовѣрческій классъ, упорно держащійся за старые, отжившіе уже социалистическіе догматы. Согласно вашему же выраженію, она должна уйти въ бѣга отъ самой себя,

во-время достойно умереть, чтобы, возродившись, принести плодъ много.

Писатель. Мнѣ нравится ваша мысль о томъ, что наступаетъ эпоха всеобщаго бѣженства. Въ воздухѣ пахнетъ озономъ отъ электрическихъ разрядовъ. Жутко и, пожалуй, страшно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весело, словно пьянѣешь, отдаваясь сладостному головокруженію. Это мнѣ немного напоминаетъ ощущенія при плаваніи въ лодкѣ на морѣ въ хорошій вѣтеръ. Шумъ волнъ, пѣна и брызги, запахъ соленой воды, сверканіе моря, быстрый бѣгъ... духъ захватываетъ. Знаешь, что каждую минуту можешь опрокинуться твоя скорлупа, и, однако, хочется пѣть, кричать, школьничать. Ну, однимъ словомъ—лучше Пушкина объ этомъ не скажешь:

Все, что намъ гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья.

Трудно быть современникомъ великихъ событий, быть гостемъ на пиру боговъ, но намъ, удостоеннымъ этого избранія, должны завидовать поколѣнія, жившія въ болѣе спокойную эпоху.

Общественный дѣятель. Да, но въ какой же одеждѣ мы оказались на этомъ пиру? Россія! О, моя Россія! Что съ тобою сдѣлалось? Что мнѣ этотъ пиръ боговъ, если она изъ него извергнута, какъ неимущая одѣянія брачнаго? Что мнѣ до всемірно-историческихъ перспективъ, если въ нихъ

видится мнѣ разлагающійся трупъ моей Россіи? Не хочу я міра безъ Россіи, преображенія мірового безъ нея не приѣмлю. Вѣдь, Достоевскій намъ говорилъ, что она—„жена, облеченная въ солнце“; вѣдь, только у насъ бываетъ торжественная ночь Воскресенія Христова!.. Нѣтъ, все погибло, если погибла Россія, вся исторія неудалась, выпала въ зіяющую дыру!

Писатель. Зачѣмъ вы ищете живого между мертвыми? Зачѣмъ маловѣрствуете? Жива наша Россія, и ходитъ по ней, какъ и древле, русскій Христосъ въ рабѣмъ поруганномъ видѣ, не имѣя зрака и доброты. Не тотъ, котораго Блокъ показалъ, не „снѣжный и надвьюжный“, но свѣтлый вертоградарь въ завѣтномъ питомникѣ Своемъ, зоветъ Онъ тихимъ гласомъ: *Марія!*—и вотъ-вотъ услышитъ завѣтный зовъ русская душа и съ воплемъ безумной радости падетъ къ ногамъ своего Раввунн . . . Кромѣ этой вѣры, кромѣ этой надежды, ничего у насъ болѣе нѣтъ. Но русская земля это знаетъ, и она спасетъ русскій народъ: по ней стопочки Богородицыны ступали . . .

Бѣженецъ. Передъ самымъ октябрьскимъ переворотомъ мнѣ пришлось слышать признаніе одного близкаго мнѣ человѣка. Онъ рассказывалъ съ величайшимъ волненіемъ и умиленіемъ, какъ у него, во время горячей молитвы передъ явленнымъ образомъ Богоматери, на сердцѣ вдругъ совершенно

явственно прозвучало: *Россія спасена*. Какъ, что, почему?—онъ не знаетъ. Но измѣнить этой минутѣ, усомниться въ ней—значило-бы для него: позабыть самое заветное и достовѣрное. Вотъ и выходитъ, если только не сочинилъ мой пріятель, что бояться за Россію, въ послѣднемъ и единственно важномъ окончательномъ смыслѣ, намъ не слѣдуетъ, ибо Россія спасена—Богородинною силою. И объ этомъ, повѣрьте, твердо знаетъ вся православная Россія.

Всѣ (кромѣ дипломата). Аминь.

Дипломатъ. ?!?!

Общественный дѣятель. Христось воскрес!

Всѣ (кромѣ дипломата). Воистину, воскресъ Христось!

МОСКВА.
Апрѣль—май 1918 гда.

